

Больше внимания вопросам теории

«Не было решительно ничего плохого, — говорил тов. Жданов, выступая на философской дискуссии в 1947 г., — в традиционных русских толстых журналах в дореволюционное время, которые являлись литературно-художественными произведениями печатания также научные, в том числе и философские труды».

В условиях нашей советской действительности пропаганда основ марксистско-ленинской философии имеет огромное, первостепенное значение. Советский человек с его разнообразными духовными потребностями, человек — строитель великого коммунистического общества — с живейшим интересом относится к вопросам теории, любит и понимает ее, видит в теории могучее средство борьбы за окончательную победу коммунизма.

Между тем с пропагандой философских знаний, с теорией вообще, в наших литературно-художественных журналах дело обстоит далеко не благополучно. Все четыре толстых центральных журнала, как правило, избегают опубликования статей и исследований по вопросам марксистско-ленинской теории. Показательно, например, что даже в «Книжном обозрении» «Нового мира», где представлены почти все науки, начиная от сельского хозяйства и кончая астрономией и математикой, вопросы философии отсутствуют. А ведь не только люди науки, литературы, искусства, но и десятки тысяч рядовых читателей с оживлением и интересом встретились бы на страницах журналов статьи о закономерностях перехода от социализма к коммунизму, о фазисах и функциях советского государства, о политике партии, как жизненной основе советского строя, о руководящей роли коммунистической партии, о задачах полного преодоления пережитков капитализма в сознании советских людей, о превращении труда в первую жизненную потребность человека при переходе к коммунизму и т. д.

Отсутствие теоретических статей по этим вопросам не может быть признано нормальным для журналов, именуемых не только литературно-художественными, но и общественно-политическими.

Редко встречаются в толстых журналах статьи, посвященные актуальным вопросам философии естествознания, а те, которые появляются, часто освещают эти темы однобоко. Так, например, в журнале «Звезда» № 1 за 1949 г. опубликована статья В. Лыкова «Против идеализма в физике». В статье высказываются субъективно-идеалистические, реакционные суждения философов утилитаризма Н. Бора, В. Гейзенберга, А. Эйнштейна и других буржуазных физиков-теоретиков, которые, спекулируя на не разработанных пока еще сторонах квантовой теории, пытаются с помощью математических формул доказать бессмертия души и существование бога. Автор подвергает острой критике взгляды ряда советских физиков (акад. В. Фока, Я. Френкеля, М. Маркова и др.), во многом ошибавшихся на поводу у буржуазных мракобесов от науки. Однако, уделив критику В. Лыкова почти не противопоставив им зоркие и борющиеся силы советских физиков, не показав живой борьбы двух направлений в квантовой физике, не подчеркнул успехи материалистической школы. Поэтому сильная в своей критической части статья оказалась однобокой, слабой в освещении достижений нашей передовой материалистической науки.

Те немногие обобщающие статьи, которые посвящены конкретным достижениям советской науки, зачастую лишены исторического подхода к теме. Так, например, Г. Бошняк в интересной и содержательной статье «О природе микробов и вирусов» («Звезда», № 7, 1950 г.), излагая сущность своих выходящих научных открытий, недостаточно осветил работы ученых-микробиологов, подготовивших почву для этих открытий. Более узкая и правдивая в этом отношении статья Ю. Милеушника «Новое в науке о жизни», которую журнал «Новый мир» (№ 3, 1950 г.) опубликовал после более чем полугодового воздержания от выступлений по вопросам теории и философии естествознания. Крупные достижения наших ученых (О. Лешинский и Г. Бошняк) автор показывает как результат предшествующего развития русской дореволюционной и советской науки, на фоне борьбы с реакционными теориями буржуазных ученых.

Советская наука переживает громадное оживление. В результате дискуссий по вопросам философии, биологии, физиологии, языкознания был нанесен сокрушительный удар чуждым реакционным теориям и направлениям в науке, продемонстрировано превосходство передовой советской науки, руководствующейся идеями марксизма-ленинизма. В этой связи следует сказать, что наши толстые журналы не сделали и малой доли того, что от них зависело, по существу, оказались в стороне от идеологической борьбы на научном

фронте. Это особенно относится к журналу «Октябрь», который вообще теорию не жалует и научной тематикой избегает.

Несколько лучше обстоит в журналах дело с критикой современной буржуазной идеологии.

Журнал «Новый мир» опубликовал на эту тему ряд острых, содержательных статей, среди которых следует отметить статью Анны Караваевой «Оружениоскопизм» (№ 9, 1949 г.) и статью Юрия Жукова «Яд космополитизма» (№ 3, 1950 г.), посвященную разоблачению фашистских предателей французского народа — пресловутого Сартра и ему подобных. В журнале «Знамя» (который охотнее и чаще других журналов обращается к теоретическим вопросам) напечатано несколько содержательных статей против реакционной англо-американской идеологии. В двух статьях Бориса Леонтьева «Идеологический арсенал американского империализма» и «Убийство расклевывающих предателей французского народа — пресловутого Сартра и ему подобных» (№ 9, 1949 г.) и статью Юрия Жукова «Яд космополитизма» (№ 3, 1950 г.), посвященную разоблачению фашистских предателей французского народа — пресловутого Сартра и ему подобных. В журнале «Знамя» (который охотнее и чаще других журналов обращается к теоретическим вопросам) напечатано несколько содержательных статей против реакционной англо-американской идеологии. В двух статьях Бориса Леонтьева «Идеологический арсенал американского империализма» и «Убийство расклевывающих предателей французского народа — пресловутого Сартра и ему подобных» (№ 9, 1949 г.) и статью Юрия Жукова «Яд космополитизма» (№ 3, 1950 г.), посвященную разоблачению фашистских предателей французского народа — пресловутого Сартра и ему подобных.

Разоблачение антипартийной группы критиков показало тот вред, который нанесла советскому искусству пропаганда космополитических идей. Но борьба против космополитизма — не кратковременная кампания, а длительная идеологическая борьба. Глубокому классовому анализу космополитизма, разоблачению его реакционной идеологической и политической роли, мерной противоположности космополитизма интернационализму и патриотизму, органической связи космополитизма в идеологии и декаданса в искусстве — всему этому следовало бы посвятить ряд специальных статей.

Статья по эстетике чаще, чем в других журналах, можно встретить опять-таки в «Знамени». Вопросы эстетического наследия «Знамя» посвящает за указанный период considerable статью В. Кружкова «Эстетика и литературная критика Н. А. Добролюбова» (№ 9 за 1949 г.) и статью В. Евграфова «Классический эстетический реализм» (к 60-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского, № 10, 1949 г.). Автор правильно подчеркнул основную особенность эстетики Добролюбова — ее революционно-демократический дух, требование связи искусства с общественной жизнью, правдивости, идейности и народности искусства, он доказательно вскрыл меньшинственные извращения в оценке Добролюбова и показал истинные идейные истоки его творчества. Однако сомнительной кажется высказанная автором мысль о разделении критического реализма на «революционно-демократический» и «буржуазный реализм». Допустим, что к представителям первого мы отнесем Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, но к каким тогда реалистам отнеси Гоголя, Лермонтова, Толстого?

Проблемам марксистско-ленинской теории искусства — литературно-художественные журналы должны уделять особое внимание. В числе неотложных задач советской эстетики следует назвать задачу систематизации и глубокого изучения эстетических взглядов классиков марксизма-ленинизма — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Приходится с сожалением констатировать, что ни один из журналов не попытался выполнить эту задачу.

Толстые журналы уделяли явно недостаточное внимание разработке богатейшего теоретического материала по таким вопросам, как проблема традиции и новаторства, идея и народность, диалектика содержания и формы в искусстве и т. д. Недостатком многих статей, посвященных анализу конкретных произведений советской литературы, является их факторность, отсутствие теоретических обобщений. При этом страдают, как правило, и самые факты, которые могут быть осознаны и правильно оценены только в свете марксистско-ленинской эстетической теории.

Сейчас, после опубликования гениальных трудов И. В. Сталина о марксизме в языкознании, перед журналами стоит задача — применить глубочайшие сталинские положения к анализу конкретного материала, в частности, для решения вопросов художественного мастерства писателя.

Развивать, двигать вперед советскую науку, смело пересматривать устаревшие теоретические положения, неустанно бороться за новое, передовое, не бояться критики и самокритики — такова задача, поставленная партией, великим Сталиным перед советскими учеными. Патристический долг наших литературно-художественных журналов — помочь советской науке, в частности, философской науке в осуществлении этой задачи. Толстые журналы имеют все возможности стать действительными проводниками передовой советской теоретической мысли.

Советский читатель вправе ждать от толстых журналов своевременного и боевого отклика на все злободневные вопросы теоретического фронта.

На творческой конференции писателей Поволжья

Вечером 10 сентября закрылась творческая конференция писателей Поволжья. На заключительном заседании с краткими отчетами о проделанной работе выступили руководители семинаров.

Произведения писателей-волжан обсуждались на семинарах в течение трех дней. В двух семинарах по прозе были проанализированы роман Б. Неволова «Недра» и книга И. Падерина (Саратов) «На главном направлении» (записки офицера), роман «Город-солдат» М. Лобачева (Сталинград), «Заволжье» Н. Борисова (Куйбышев), «За рекой Вырешей» М. Шопина (Иваново), «Солдаты» Г. Федорова (Горький) и ряд других произведений.

Поэты Поволжья создали несколько значительных произведений. Это поэмы «Хозяева земли» В. Богатырева, «Чкалов» М. Шестерикова, «Каспийская роза» Б. Филиппова, «Сталинградский слух» А. Часовникова, басни Н. Мизина.

На семинарах был поднят вопрос о качестве поэтических консультаций, присылаемых центральными издательствами. На семинарах по драматургии обсуждались пьесы писателей-горьковчан: «Даня Поголовых» Г. Федорова и «Ранняя весна» А. Тищенко. Оба произведения интересны, но требуют еще серьезной работы.

На пленарном заседании с заключительным словом об итогах волжской конференции писателей выступил Ф. Панферов.

Признав справедливость критических выступлений, в которых говорилось об отсутствии во выступлении докладов конкретное анализа произведений волжских писателей, Ф. Панферов подробно говорил об изучении писателем действительности и умении художественно обобщать увиденное.

Докладчик отметил бедность изображения духовного мира героев в ряде произведений, в том числе и в разобранном на семинарах романе писателя Поволжья Б. Неволова «Недра». А. Рутко «Бессмертная земля», в книгах К. Лебедева и Н. Борисова.

Заключительная часть выступления Ф. Панферова была посвящена организационным вопросам.

Следует отметить, что оргкомитет конференции, в частности его председатель М. Лобачев, работал недостаточно четко.

Однако, несмотря на некоторые неполадки, большое значение конференции для идейного и творческого роста писателей Поволжья несомненно.

С огромным подъемом конференция приняла письмо товарищу И. В. Сталину.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр. По телефону)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 81 (2672)

Вторник, 12 сентября, 1950 г.

Цена 40 коп.

ВО ИМЯ НАРОДА

Александр ЧАКОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

То, о чем будет рассказано ниже, в истории сражающейся Кореи, — не больше, чем эпизод. Третий месяц бьется с врагом корейский народ, за это время он прошел большую жизнь. Корейцы выросли, возмужали, они много поняли и многому научились.

С каждым днем люди все более и более убеждаются, что враг безжалостен, с каждым днем они все более понимают, что спасение от врага только в победе над ним. В Корею нет фронта и тыла. Фронт на юге, фронт в центре страны, в ежедневно бомбардируемом с воздуха Хенъяне. Фронт на севере страны, в Чонджине, одном из красивейших городов Кореи, на днях разбитом американцами. Фронт на рисовых полях, фронт на горных перевалах, на железных дорогах. Фронт повсюду.

В этом очерке речь пойдет о железнодорожниках, этом поистине героическом отряде корейского народа.

Корея — горная страна. В ней около двух тысяч железнодорожных мостов, несколько сотен тоннелей. С первых же дней войны над мостами, над тоннелями повисли американские самолеты. Возведение мостов превратилось в подвиг. Самолеты бомбили мосты с воздуха. Разрушенные мосты преграждали движение вперед.

Железнодорожный транспорт в стране перешел на ночную работу. В ночном мраке, без сигнальных огней мчались из тоннеля в тоннель составы, груженные продовольствием, боеприпасами. С первым проблеском рассвета движение на железных дорогах приостанавливалось. Американские воздушные гангстеры в поисках укрытия поездов простреливали тоннели, бросали бомбы вдоль линий железных дорог. Выяснилось, что составы приходят на станции назначения, изреченные пулями и осколками бомб. Машинисты затыкают пробитые в тендере специально изготовленные деревянные прокладки, без них никто теперь не выезжает в рейс.

Августовским вечером отправился в путь Дэн До Мен — один из лучших машинистов хенъянского депо. Он без боязни пошел в путь. Правда, его паровоз был отлично замаскирован. Однако с высоты двухсот метров трудно остаться незамеченным составу из двадцати пяти вагонов, если светит полная луна.

Дэн надеялся на тучи. Надежды не оправдались. При выезде из очередного тоннеля в глаза Дэну ударил холодный, но яркий свет луны. Казалось, что луна повисла над паровозом и он чуть не задевает ее трубой. До следующего тоннеля было не менее двадцати километров. Дэн чувствовал себя так, будто он лежит на огромной ладони, видный отослову.

В этот момент к привычному шуму машины присоединился другой, тоже уже ставший привычным, высокий свистящий звук. Над поездом появились четыре штурмовика. Первая очередь полетела по крышам вагонов. Левая рука Дэна застыла на регуляторе, правая — на тормозном

кране. Еще одна очередь. Дэн резко затормозил. Через мгновение состав стал медленно двигаться в обратном направлении.

Так начался этот подвиг железнодорожного машиниста с вражескими летчиками, вооруженными пушками. Машинист обладал бесстрашием, волей, умением.

Разворачиваясь, заходя на очередной обстрел, самолеты. И тогда же менял направление поезд, ведомый Дэном. Сумасшедшей дробью заливались пулеметы. Дэн физически ощущал полет пуль. Они пробивали, распыливали металл паровоза, по счастливой случайности не достигая тендера и котла. А Дэн, с приспосабливаясь к рычагам управления руками продолжал свой единственно возможный маневр — двигал состав то назад, то вперед.

Во время очередного торможения Дэн внезапно услышал резкий свист воздушной струи. Он тут же понял: пробит тормозной рукав — резинный шланг, соединяющий паровоз с составом. Схватив за плечевой рукав, Дэн соскочил с паровоза. Пули пробили глубокую борозду в метре от него. Полюком Дэн полз под первый вагон. Почти механически, думая лишь о том, с какой стороны заходит сейчас самолет, он перебрался авторазноходной кран и срывающимся с гайки ключом стал открывать пробитый шланг от тормозной магистрали. Дэн не мог рассказать, сколько времени отняло у него все последующее и как заменил он шланг. Уже потом, в бунке паровоза, схватившись за тормозной кран, он убедился, что все в порядке.

Подвиг продолжался. Все повторялось снова и снова. Опять и опять разворачиваясь и пикировав самолеты, и, точно заколдованный, поезд повторял свой однообразный, но спасительный маневр.

Внезапно стало темно. Луна, медленно перемещавшаяся по небу, зашла за высокую сопку. Дэн дал полный вперед, и через полчаса поезд въехал в тоннель. Пахнувший сыростью и гарью, длинный каменный мешок оказался ему родным домом. Не испытывая еще не кончили. Новая опасность подстерегала вышедший из тоннеля поезд, опасность, которую вряд ли удалось бы ему избежать, если бы героем был только Дэн, а не сотни и тысячи других таких же Дэнов.

В то время как состав, ведомый Дэном, мчался в темноте ночи (тучи, наконец, поглотили луну), путевые-восстановитель И. Бен Сон вышел с полустанка для очередной проверки пути. И вот примерно в километре от полустанка он обнаружил семь поврежденных рельсов, поврежденных, которых не было два часа назад.

На фронте идет наступление. Боеприпасы крайне необходимы. Их везет состав, который должен пройти здесь через три-

дцать, самое большее сорок минут. Все это знал Ли. Ему предстояло принять решение: или прождать это время здесь, оставив подходящий поезд, потом идти на полустанок за бригадой восстановителей. В этом случае поезд неминуемо задержится. Был второй выход — сейчас же, немедленно бежать за бригадой, привести людей, до подхода поезда приступить к работе и тем самым сократить до минимума неизбежный простой.

Ли колебался. В следующее мгновение он побежал к полустанку. Бежать в абсолютной темноте было очень трудно, — он несколько раз падал, больно ударяясь о рельсы. Когда Ли ворвался в дощатый сарай, где на рисовых цыновках отыскалась бригада, он едва сумел произнести несколько слов. Потом все вместе они побежали к месту аварии. Ли бежал вперед, хотя чувствовал, что каждую секунду может упасть, — у него было большое сердце, он задышался. Изредка, где-то совсем низко меж голыми стеблями, всхлинула луна. Люди бежали, не видя ничего, не думая ни о чем, кроме того, что с минуты на минуту здесь должен пройти поезд. Они прибыли на место за пятнадцать минут до подхода поезда и, не переводя дыхания, приступили к работе.

Где-то в высоте кружил самолет. Вражеский летчик, может быть, умышленно патрулирующий разрушенный путь, изуга падал из пулеметов. Иногда было слышно, как пули со звоном расползаются о рельсы. Потом где-то в стороне раздались взрывы бомб. «Двадцать пять килограммов, пятьдесят», — отсчитал про себя Ли Бен Сон.

Самолет перестал стрелять, но его злобное гуление не умолкло. В этот момент люди услышали шум приближающегося на всех парах поезда. И тогда Ли, забыв о самолете, зная только, что поезд должен быть остановлен, остановлен во что бы то ни стало, зажег фонарь и высоко поднял его над головой. Пулеметная очередь прорезала воздух, затем разорвалась бомба, и Ли упал, отброшенный взрывной волной.

Когда Дэн соскочил с паровоза на полотно, он разглядел несколько человек, которые сидели на корточках и чинили путь. Он споткнулся о чье-то тело. Это был один из трех восстановителей, убитых в эти минуты. Остальные, в том числе и Ли, напряженно работали.

Через двадцать минут Дэн повел свой состав дальше. Что ждало его впереди? Обрушенные мосты? Заваленные тоннели? Воздушные хищники над железнодорожным полотном? Этого Дэн не знал. Он был уверен только в одном: везе на месте аварии уже работают люди. Десятки, сотни, тысячи людей, решивших умереть или победить. Дэн был уверен, что достиг беспрепятства на фронт. Он должен был это сделать во имя народа. Ни о чем другом он не думал.

ПХЕНЬЯН, 10 сентября. (По телеграфу)

Ф. ВИГДОРОВА,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Дело каждого из нас

Потонуло в зелени село Поповка. Белые сады укрыты листвою яблонь. Блестит на солнце широкий пруд. И сияет — иначе не скажешь — школьное здание. Сияют свеже-выкрашенные стены и двери, чисто вымытые окна, гладко выструганные полы. Все тут было в порядке готово к учебному году — все до дверной ручки, до оконной задвижки. Еще не было ребят, но школа ждала их — нетерпеливым и радостным. Еще не было ребят, но все учители находились в сборе. Директор школы Василий Кlementьев Колногозов то и дело любовно обходил классные комнаты: тут перевернет парту, там проведет рукой по столу — чисто ли вымыто?

И вот новый учебный год начался.

Пришли в первый класс семилетние малыши и начали водить указкой по букварю: стали учиться читать и считать. Пришли в седьмой класс подростки, раскрывшие книги: Пушкина и Горького, Шевченко и Гоголя. Встал за свой стол учитель, оглядел ребят и повел за собой — по страницам книг, по дорогам знания.

И когда проходишь по классам Поповки школы, видишь: здесь позаботились не только об ученье, но и об учители.

Заболела у школьницы и учителих и в селе Ново-Николо. Еще в июне была готова школа: к приходу ребят. И сельсовет и колхоз заранее позаботились о том, чтобы зимой уютно и тепло было ребятам и учителям: школа отремонтирована, топливо завезено. В Ново-Николо — и в колхозе и в сельсовете — говорят: «Наши дети. Наш учитель. Наша школа». Иначе быть не может, иначе быть не должно.

И, однако, иначе бывает.

Директор семилетней школы в селе Завалинщина заготовил топливо на новый учебный год еще в январе. Дрова надо было доставить в школу из Гушевецкого лесничества — от Завалинщины в 30 километрах. Сделать это на своем велосипеде директор тов. Любачкин не мог. Обратился к председателю своего колхоза тов. Кривоножко. Кривоножко отказал. Промаявшись с погондой, директор только в июне сумел вывезти из лесу дрова, да и то на машинах другого, соседнего — Голубинского колхоза имени Сталина.

Любачкин принял школу, когда здесь стояли лишь стены с пустыми глазами.

Ни в одном классе не было полов, во всей школе не было ни окна, ни двери: все поручили фашисты. Вместе с учителями, сторожами, техническими работниками тов. Любачкин поднял школу, придал ей живой, нормальный вид. Все это лето у него не было и часу отпуску: все время он отдал школе, в которой учатся дети колхозников и, к слову сказать, трое детей председателя Степана Самойловича Кривоножко. Колхоз ничем не помог школе: не перевез ни одной тонны угля, не помог ни работными руками, ни материалами. Скажут: трудно колхозу в такую горячую пору, но... любящие руки всегда найдут время помочь.

Вот рядом село Котуженцы. Леонид Нестерович Зорук, директор земшей школы, этим летом готовился к государственным экзаменам — он окончил Винницкий учительский институт. И председатель сельского совета Трофим Петрович Пендиль и председатель правления колхоза Дмитрий Моисеевич Яремчук позаботились о школе и превосходно ее отремонтировали. Они понимают: надо помочь директору окончить институт; чем выше будут знания и квалификация у директоров и учителей, тем лучше смогут они работать, тем лучше для детей, тем более грамотным, образованным, культурным будет расти молодое поколение колхозного села.

Холодное, равнодушное отношение к школе возможно только там, где на заботу о школе, о детях, об учители смотрят, как на чужое, принудительное дело. Один из школьных директоров сказал нам:

— Вот председатель райисполкома ежедневно проезжает мимо нашей школы по три-четыре раза и хоть бы когда-нибудь заглянул к нам!

И верно: ни разу не заглянул. Мы были в семи селах Калиновского района. Ни одна не могла похвастать тем, что ее хоть раз навестил председатель райисполкома, хоть раз поинтересовался, как школу отремонтировали, подготовили к занятиям.

В самый канун учебного года, когда ремонт был закончен, директор Кордлевской школы Петр Васильевич Сирак обнаружил, что крыша протекает. Чинить ее пришлось мешками, песком и другими «поучными» материалами. А вот крышу ресторана в Ладново, кстати сказать,

совсем недавно покрыли первосортным железом: нашлось же!

На дворе сентябрь, а в Гушевецкой школе нехватает 130 парт. Начались занятия, а в школе села Завалинщина вместо парт — громадные неудобные козлы и в четырех классах нет полов.

Когда директоры школ рассказывают о том, как они добывали известняк и доски, толь и кругляк, они иногда говорят: «я выпросил».

Звучит это дико — школа имеет право не просить, не выпрашивать, а требовать, она должна все необходимое получать в первую очередь. Вспомним, как Владимир Ильич распоряжался однажды в случае нехватки денежных знаков на местах выкрывать деньги на заработную плату учителям, неполадчивая пропорционально во всех ведомствах. И особенно подчеркнем: «...прошу прощения это. Даже больше: надо дать предпечение учители».

Счастье быть учителем — не бездумное, не легкое счастье. Оно требует всех сил души и сердца, всей жизни без остатка. Все время учителя посвящено тем, кого он учит, учит не только правописанию и четырем правилам арифметики, но и самому высокому в жизни: быть настоящим человеком.

Ленин и Сталин учат нас с особой заботой относиться к учителю и школе. «Учитель отдаст свою энергию, кровь, все, что у него есть ценного, своим ученикам, народу», — говорил М. И. Калинин. И это всегда надо помнить. Забота о школе — дело каждого из нас.

Не могут, не имеют права в районе считать, что обязательства перед государством выполнены, если школа оказалась неготовой к учебному году, если дети занимаются в холодных классах, а учитель живет в плохой, неотремонтированной квартире. Не забываются об учителях, о школе — значит не забываются о детях. Пренебрегать учителями, школой — значит пренебрегать детьми. И руководители некоторых районных и областных организаций надо серьезно — полагать над этим. Мало выносить решения о помощи школе, — их надо выполнять.

ВИННИЦКАЯ ОБЛАСТЬ

Международные

отклики

ПЕРЕД КОНГРЕССОМ СТОРОННИКОВ МИРА

С развернутыми знаменами, тесно сплотив свои ряды, идет могучий лагерь мира навстречу своему второму Всемирному конгрессу, созываемому в Англии. Этот конгресс поднимет борьбу народов за мир на новую, еще более высокую ступень. Он является новым грозным предупреждением агрессорам.

О непоколебимом стремлении твердых и убежденных сторонников мира отстаивать свои взгляды и бороться с поджигателями войны свидетельствует весь ход всепольского и всеуниверсального съездов комитетов борьбы за мир. И в Варшаве и в Бухаресте были проявлены величайшие единство и готовность к борьбе против угрозы войны. «Съезд сторонников мира в Бухаресте», — справедливо подчеркнула известный румынский писатель Михаил Садовяну, — это не только наш съезд. Среди нас — посланцы стран народной демократии. С нами миролюбивые народы всего мира».

И когда на трибуну варшавского съезда взошел представитель юного поколения, ученик средней школы города Радома Ричард Маевский, его молодой, звонкий и кристально чистый голос звучал, как голос всего человечества. «Мы не хотим войны», — говорил он с величайшей силой убеждения и искренности. — Мы не хотим умирать теперь, когда жизнь с каждым днем становится светлее и прекраснее. Мы не хотим умирать во имя интересов кланов банкиров. Мы хотим жить и творить прекрасную эпопею труда, эпопею социализма».

И от этих простых, честных, от всего сердца сказанных слов должно было бросить в дрожь Вашингтонских поджигателей войны!

Выступая на всеуниверсальном съезде сторонников мира, Габриэль д'Арбусе сообщил, что сейчас под Стокгольмским Воззванием уже подписались четверть миллиона человек. Однако эта внушительная цифра включает далеко не всех тех, кто на земном шаре готов вести борьбу за мир. Впереди — непотопляемый край работы и необозримые возможности для достижения новых успехов.

Итак, сторонники мира действительно готовятся к предстоящему в Лондоне второму конгрессу. В то же время известную «подготовку» проводят также и лагеря поджигателей войны. В «руководящих» выступлениях представителей правительства США все чаще и все настойчивее мелькает слово «мир». Но какой злощастный и издевательский характер приобретает это благородное слово, когда оно срывается с уст профсоюзных агитаторов и атомных политиканов!

В последних заявлениях Ачесона и Трумэна мы можем обнаружить все ту же бесстыдную попытку прикрыть лицемерной и провокационной болтовней о мире самые разнузданные агрессивные планы и действия.

Дело доходит до того, что Трумэн осмеливается называть американскую интервенцию в Корею уже даже не «политической операцией», а «мирной акцией». «Мы осуществляем наши действия в Корею, — без малейшего стеснения заявляет он, — в целях установления всеобщего мира!» Остается только объяснить, что бомбардировщики «Б-36» являются всего лишь несколько усовершенствованной моделью «голубя мира»!

В развращенно-провокационно-издевательских заявлениях Трумэна Ачесон уже сообщил, что «Корея — это мастерская, где объединенные нации (читай: американские интервенции. — Ред.) имеют шанс создать прототип такого мира, какой они хотят насладиться во всем мире».

Мастеру Ачесону, видимо, кажется, что своими чудовищными разглагольствованиями и бесстыдным жонглированием словом «мир» он создает надежный камуфляж для истинных планов американских поджигателей войны.

Но всему миру отчетливо видно, что собой представляет «корейская мастерская», где интервенции творят злодейскую расправу и готовят третью мировую войну. Свободолюбивые народы земного шара очень ясно сознают, что «прототип» того мира, какой агрессоры хотят насладиться во всем мире, — это каторжный режим, превращающий своей кровавой жестокостью и колониаторской бесчеловечностью даже штиреровский «новый порядок».

И пусть поджигатели новой войны во главе с Трумэном и Ачесоном, Лэчмон и Метьюсом не пытаются «ни малейший излияний» насчет того, что их кровавая штурмовая болтовня о мире в состоянии облегчить осуществление их черных планов.

Послания миллионов людей доброй воли, которые соберутся на свой конгресс в Лондоне, еще раз скажут им об этом с полной открытостью и вобьют во все их надежды основной колы!

ЛИТЕРАТОР

«Русские повести XIX века»

ЛЕНИНГРАД. Ленинградское отделение Гослитиздата выпустило в свет двухтомный сборник «Русские повести XIX века, 20-х—30-х годов». В книгу вошли произведения, отображающие развитие реализма в русской художественной литературе, формировавшегося под влиянием творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя.

В первый том вошли сочинения В. Набокова, в частности его повесть «Гаргуша, малороссийский разбойник», запрещенная царской цензурой и публикуемая впервые. Здесь же напечатаны произведения М. Погодина, А. Бестужева-Марлинского, Н. Павлова, О. Сомова, А. Вельямина.

Во втором томе публикуются произведения Н. Полевого, А. Погорьского, В. Одоевского, Г. Квитка-Основьяненко, М. Захарова и В. Дала.

Вошедшие в сборник произведения, в свое время положительно оцененные В. Белинским, давно не издавались и считались библиографической редкостью.

Книги вышли под редакцией профессора Б. Мейлаха.

Множество читательских писем получила редакция в связи с опубликованием статьи заслуженного врача РСФСР М. Дер-жавца «Мысли врача» («Литературная газета» № 52) и записи выступлений медицинских работников города Подольска «Ни пятнышка на белом халате!» («Литературная газета» № 65).

Рабочие и учителя, студенты и пенсионеры, медицинские сестры в колхозниках, домашние хозяйки и врачи, воины Советской Армии и научные работники с одинаковой заинтересованностью горячо обсуждают вопросы, поднятые в этих газетных выступлениях. Не случайно, Советский врач занимает в эту «строительную коммунистическую» почетное место: ему доверена охрана здоровья человека.

Высокие требования предъявляет наш народ к медицинским работникам. От советского врача народ требует не только больших и глубоких научных знаний, профессионального мастерства и добросовестного отношения к делу. Эти качества обязательны, но недостаточны. Безупречно чистым должен быть моральный облик человека в белом халате, добрым и самодержавным — его отношение к больному. «Коммунистическая нравственность советского врача», — пишет тов. В. Смирнова (ст. Голыгина, Западной ж. д.), — ведет и к прекрасному знанию своего дела, и к гуманному отношению к человеку. Коммунистическая нравственность — вот что главное для плодотворной работы в медицине.

В письме кандидата медицинских наук тов. Л. Богданович говорится:

«Не только научные знания, но и сама личность врача обуславливает успех лечения».

Та же мысль и примеры, ее подтверждающие, содержатся во многих других письмах читателей.

«Мне 24 года», — рассказывает читатель И. Коршунов из города Горького. «Я работал кузнецом. Потом тяжело заболел. В одной больнице меня уверили в скором и полном излечении, и я жил этой уверенностью. В другой — сумели эту уверенность во мне убить: мне стало хуже. Вот почему я считаю, что самым важным качеством врача должно быть умение лечить не только от самой болезни, но и от тяжелых мыслей о ней. Врач всенепременно должен быть большим человеком в полном смысле этого слова. Только такому врачу больная может без опаски вернуть свое здоровье».

Читатели сообщают о многочисленных примерах чуткого и заботливого отношения к больному, примерах самоотверженной врачебной работы. С благодарностью называют они имена работающих в Приволжском районе Астраханской области заслуженного врача Соларева, врача Горьковского областного больницы Арнольда, хирурга института им. Склифосовского Шпановой, врачей Костромской больницы Аносова, Диагностический, Брызгина, консультанта поликлиники им. Семашко в Москве доктора Мелик-Пашаева, врачей 1-й хирургической больницы Серпухова Савельева и Федосеева, ленинградских врачей Краскиной и Бельянского и многих других, с чуткою и высокою заботою советского врача.

Наряду с этим читатели рассказывают о случаях бездушного, черствого, а подчас и преступного отношения к больному. В этом обзоре мы, естественно, не приводим конкретных фактов такого рода. Местные органы здравоохранения, по просьбе редакции, расследуют сигналы читателей и, надо думать, примут необходимые меры.

Говоря о природе врачебной ошибки, авторы писем возражают против предложения М. Державца термин «ошибка».

«Не могу согласиться с таким неуместным и неправильным по существу термином», — пишет офицер Советской Армии Г. Елкия. — Можно ли назвать браком «работу» врача-хирурга, который, не исследовав больного, положил его на операционный стол и сделал операцию, в которой не было надобности? Почему врачи называют это браком? Человек — не кусок дерева! И если ему неверно сделали операцию, то это браком никак нельзя назвать. Это преступление или ошибка».

«Надо четко разграничить ошибку, происходящую по незнанию и по халатности», — поддерживает ту же точку зрения кандидат медицинских наук А. Ионтов (Ленинград). — Что касается последних, — надо называть вещи своими именами. Рас-

пространение инфекции в больнице — это не брак, а преступление, которое не может оставаться безнаказанным и которое должно расцениваться так же, как, например, выдача смертельной дозы лекарства. С врачебными ошибками по незнанию дело обстоит значительно сложнее».

Такие «ошибки по неопытности», естественно, чаще всего встречаются в практике молодых врачей. Понятно поэтому, что вопрос о врачебных ошибках не должен от другого вопроса — о воспитании и обучении молодых специалистов.

Вот мнение заведующего родильным отделением Октябрьской больницы Киева доктора С. Розенкрана:

«Ошибки молодых врачей связаны с неправильной методикой преподавания, особенно с недостаточной практической подготовкой. Есть немало институтов, где студентам 5-го, а то и 6-го курсов не дают возможности своими руками проделать даже самые примитивные операции. Одного «смотрения» мало: надо предоставить молодым специалистам возможность оперировать самостоятельно. Каждый квалифицированный врач может и обязан научить двух молодых производить неотложные операции по избранной ими специальности. И такое обучение должно быть систематическим, а не эпизодическим, случайным, как это иногда бывает».

Ценные соображения, касающиеся воспитания молодежи в медицинских институтах, высказывает кандидат медицинских наук С. Мосткова. Она считает, что студентам хорошо учат ставить диагноз, лечить, оперировать, но недостаточно учат «ловить в больному человеку, туманному, мало вникающему, что врач обязан в любое время дня и ночи оказывать помощь». «Наши студенты видят порой в некоторых клиниках холодный профессионализм. Отсюда и подход к больному, как к «учебному пособию», отсюда пороки термины «интересный больной», отсюда порочная догма: «жалость больному вредит», — пишет тов. Мосткова. Автор письма вносит дискуссионное предложение — вести для молодых врачей, оканчивающих институты, врачебную присягу. Такая присяга, по ее мнению, повысит ответственность врача, вступающего на высокий пост охраны здоровья. Надо усилить коммунистическое воспитание студентов-медиков, усилить общественную работу во врачебной среде.

Касаясь вопроса о моральном облике воспитателей медицинской молодежи, тов. Мосткова ставит вопрос о том, что профессора и преподаватели должны не только заниматься частной практикой. По мнению ряда читателей, научные и преподавательские медицинские кадры, наиболее материально обеспеченные, не имеют права отклоняться от своей основной работы. Вообще вопрос о частной врачебной практике занимает многих авторов писем. Поддаваясь большинству из них резко осуждают это явление, квалифицируя его как спекуляцию на человеческом страдании, как пережиток, несовместимый с обликом советского врача-гуманиста.

«В Астрахани мне доводилось видеть на двери дома табличку: «Врач И. П. Шеня». Так и написано с твердым знаком. От этой таблички так и несет плесенью прошлого. В наши дни это так же странно видеть, как, например, надпись: «Горюхи дом купца В. О. Проскурина». Аналогия грубая, но прямая», — пишет тов. Н. Петров (Приволжский район Астраханской области).

Старший лейтенант И. Корovin продолжает ту же мысль: «Рабочий, колхозник, инженер не занимаются «частным промыслом», а изобретают, повышают нормы, экономят материал, и все это делается не из корысти, а на благо Родины. Это и называется социалистическим отношением к труду. Но разве можно говорить о социалистическом отношении к труду врача-частника, который работает ради того, чтобы набить свой карман. Это вызывает отвращение».

Осуждают частную практику в своих письмах также товарищи Л. Дробнер (Жмеринка), А. Якименко (Клевов, Ровенской области), А. Антонов (Кировобласть), И. Назмутдинов (Ростов-на-Дону), В. Александров (Москва).

Однако не все читатели придерживаются такой точки зрения. Редакцияю почти прислало одно письмо, автор которого стремится не только оправдать частную практику, но и возвести ее в некий «высокий» принцип. Это — письмо тов. М. Протопо-

повой, которая считает, что только «важностью, «без притеснения» и «кредитом», «бичам здравоохранения» — частнопрактикующим врачам — предоставляются выступления противников частной практики. «Коробят их, видите ли, шуршащие рубль между врачом и больным», — возмущенно восклицает автор письма, пытаясь доказать, что, поскольку такой врач платит налог и тем самым «приносит пользу государству», частная практика заслуживает одобрения. Но, очевидно, понимая, что этим странным доводом в пользу «шуршащего рубля» трудно кого-либо убедить, тов. Протопова переходит к положению вопроса, не менее странному: «Врач, осаждаемый платными больными, вопреки широко и повсеместно организованной бесплатной медицинской помощи, заслуживает названия переделки, повтора, художника в самом лучшем смысле этого слова».

Явно ошибочное мнение тов. Протопова остается единственным высказыванием «подборника» частной практики. Другие читатели считают это явление временным, протекающим из существующих еще пока недостатков в медицинском обслуживании, в работе больницы и поликлиники.

Критические замечания такого характера делают многие читатели. Осуждая частную практику, вскрывая причины, толкающие больного в приемную «частника», они справедливо критикуют постановку дела в районных поликлиниках.

«Нужно прямо сказать, что в поликлинике далеко не всегда можно получить квалифицированную помощь», — пишет тов. И. Виноградский. — Бывает, что врачи по-человечьи относятся к своим обязанностям, невнимательно выслушивают жалобы больных, а некоторые врачи просто не имеют достаточного опыта».

Но далеко не всегда виноваты только врачи. «Как требовать от врача поликлиники внимания», — пишет тов. М. Некрасов, — если на каждого больного врачу отпущено семь-восемь минут. За это время надо вызвать больного, поговорить с ним, осмотреть, заполнить историю болезни, написать рецепт, помыть руки и т. д. Вот почему даже самые чуткие и добросовестные люди могут оказаться невнимательными врачами».

Аспирантка тов. В. Озерская рассказывает такой случай: когда у нее началась болезнь почек, она записалась к специалисту в московской поликлинике № 56. Но очередь надо было ждать много дней, и пришлось обратиться к платному врачу. «К тому времени, когда подошла моя очередь в поликлинику, я была уже здорова. Выводит ли врач в том, что так долго не принимал меня? Безудержен ли он? Не знаю, так как не видела его в глаза, хотя не раз записывалась на прием. Но надобность во врачебном вмешательстве отпала прежде, чем подошла моя очередь. Святой долг министерства здравоохранения, ЦК профсоюза медицинских работников и администрации поликлиники — создать нормальные условия для работы врачей. Тогда они смогут уделять достаточное внимание каждому пациенту, тогда и вопрос о частной практике отпадет сам собой».

Читатели обсуждают самые различные стороны деятельности медицинских учреждений. Они резко критикуют существующую ныне систему, при которой врач поликлиники зачастую лишен возможности показать больного крупному специалисту (письмо тов. Е. Ершовой из Челябинска), призывают создать правильно налаженные отношения между лечебными учреждениями и аптеками (письмо тов. М. Мишневой — ст. Солдатская, Кабардинской АССР), напоминают врачам о необходимости всемерного развития критики и самокритики в медицинской среде (письма учителя А. Петриченко и кандидата медицинских наук М. Вяткина из Ростова-на-Дону).

«Для врача больной должен быть самым близким, родным человеком, а для больного врач — это тот близкий человек, на которого больной опирается, которому верит и которому целиком отдает всю свою жизнь». В этих немногих словах Михаила Ивановича Калинин сформулированы мысли, высказанные в десятках читательских писем. Так думают миллионы советских людей.

Дело чести каждого врача — быть близким, дорогим для советских людей человеком.

инженера был встречен смехом. «Переключить плотину Волгу? Разве это возможно?»

Так отзывались «высокие специалисты». А управляющий именами Орлова-Давыдова заявил:

«Да разве граф позволит возводить такие сумасшедшие постройки на своих землях? Ни за что...»

В глухое царское время, в условиях мелкого, раздробленного сельского хозяйства попытки обновления края и орошения полей были настолько ограничены, что остановить движение пустыни, конечно, не могли ни в какой мере.

И только после Октябрьской революции, в условиях социалистического планового хозяйства, задача борьбы с пустыней стала человеку по плечу.

Поволжье становится ареной гигантской борьбы человека с пустыней.

Многим памятна засуха в Поволжье 1921 года, причинившая огромные бедствия молодой советской республике.

Только помощь Советского правительства спасла край.

Но уже к этому времени начинала обостряться вопрос о борьбе с засухой в Поволжье. Еще в годы гражданской войны, в 1918—1919 гг., целая группа самарских инженеров вылезла за разработку проекта. Теперь им не могли помешать графы Орлова-Давыдова. Инженеры обследовали Самарскую луку, наметили план работ, читали доклады и лекции о будущем строительстве. Участник этой работы инженер Е. В. Лукьянов вспоминает:

— Мы переживали очень трудное время. В Самаре не было света, не было топлива. Слушатели сидели на наших лекциях в шубах, на кафедре у лектора светилась только маленькая копилка, а мы говорили о том прекрасном времени, когда вся Самара будет залита ярким электрическим светом, полученным

3. В ПОЭТИЧНОМ
ПАРКЕ...

«...В старинном запущенном парке» — так начинался какой-то древний «эстетский» роман.

Запущенный парк — тогда это было самым лучшим поэтическим комплиментом для парка. Новые времена — новые песни. Другая поэзия, да и парки другие!

Однажды вечером в Минске мы собрались отдохнуть в районном парке культуры имени Челюскинцев.

— Вечером туда не ходят, — предупредили нас. — Пустыня...

Парк был запущенным.

17 августа он встретил нас ананасом, извещающим о том, что 13 августа здесь состоялся массовое гуляние. На газетном стенде в 6 часов вечера висел вчерашний номер местной газеты. Парк с явным упорством держался за свою традицию жить вчерашним днем.

До восьми часов вечера мы сидели за читальней, — она была закрыта. Позже она открылась уже не могла, так как в ней нет электрического освещения. Фонари в парке кое-где виднелись, но только днем — в большинстве из них не было лампочек.

Не нужно было следопытами для того, чтобы определить, что это — парк нетоптанной травы и нехоженых дорожек.

Перед астролой с местами для стояния травы почти по пояс — ботаники могут подсчитать, сколько времени здесь не ступала нога человека...

На плохой площадке волейбольной площадке (мы узнали ее по двум выгнанным в землю колыям) та же нерушимая тишина, то же буйство трав и безделье.

В этом большом парке мы не обнаружили никаких культурных начинаний, кроме усиленной рекламы какой-то «гамачной зоны». Зона, может быть, и существовала. Но где можно взять гамаки, так и не удалось установить.

С какой же стати этот участок леса, отгороженный забором и замусоренный газетными обрывками и консервными банками, называется «Парком культуры и отдыха»?

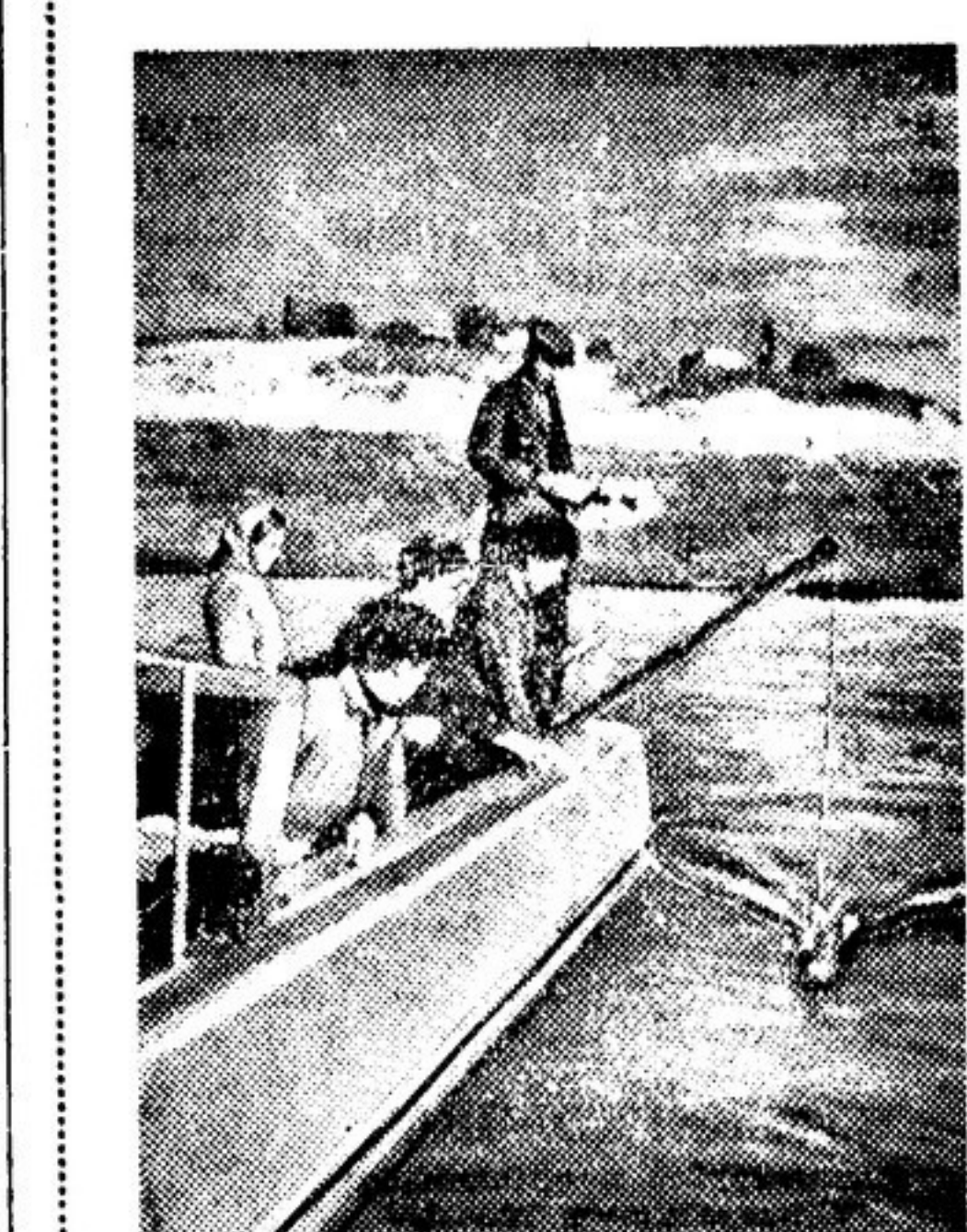
Потому ли, что отдых — это основной род занятий руководителей парка? Допустим. Но тогда причем здесь «культура»? Право же, на льдине героических человеческих культурных мероприятий было много больше, чем в минском парке имени Челюскинцев. Поэзия запущенности — это очень несомненная поэзия. Для такого случая мы предпочитаем пользоваться менее изящным, но более точным термином — мерзость запущенности.

А ведь так легко представить себе хороший, действительно поэтический парк в ридовом, ну, скажем, областном городе.

Попробуйте, — и вы сама советская фантазия сама подскажет новую парковую поэзию.

Вы увидите живописный сад... В глубине...

Продолжение. Начало см. в № 73 и № «Литературной газеты».

Прошло несколько дней после опубликования в газетах постановления правительства о сооружении Сталинградской гидроэлектростанции, а на берегах великой русской реки уже разгорелась большая работа. Первые появились тут геологи, гидрологи, топографы. Это — разведчики, вслед за которыми придет сюда многотысячная армия бетонщиков, арматурщиков, каменщиков, плотников, кессонщиков. Гидрологи занимаются измерением расхода воды, промеряют глубины Волги и ее рукава Ахтубы (первый снимок). На втором снимке запечатлен момент бурения разведочной скважины. Прораб Д. Киселев и коллектор А. Сидельникова просматривают полевой журнал.

ПУТЕВОЙ ФЕЛЬЕТОН

не его будут и тенистые аллеи, и романтические уголки, и нетронутые, почти лесные лужайки, где воздух пропитан сверкающими солнечными нитями.

Но в этом саду будет и многое другое. Во всем будут явственно видны плоды шедшего и вдумчивого труда многих заботливых и внимательных людей, которые все сделали для вашей культуры и для вашего отдыха.

Волы чисто подметенных дорожек для вас посажены цветы и расставлены удобные скамейки. Для вас зажжены матовые шары фонарей на высоких серебристых столбах...

Для вас красиво оформлены стены выставок и перед вами гостиный раскрыты двери светлого здания летнего театра, в котором с удовольствием начнется сегодня свои гастроли новый для вас театральный коллектив.

Для вас не будет в этом красивом и благоустроенном парке никаких бывших в глаза анилов-запрещений: ни «звать цветы запрещается» на клумбах, ни «сорить строго запрещается» на дорожках, ни «ломать древонасаждения категорически запрещается» на стволах деревьев, ни объединенного перечня нарушений порядка и сводной таксы штрафов — на центральной площадке возле фонтана.

Здесь не считают вас заведомым цветом и ответным древонасаждением.

Вы пройдете по дорожке, окаймленной цветниками, и вступите в тихий уголок парка, где некогда были читальни забыто поставленные столбики, за которыми всегда можно увидеть студентов, готовящихся к экзаменам, увлеченных книголюбов и зачарованных кроссвордистов. Возможно, и вы пристроитесь здесь с новым журналом и любимой книгой или будете терпеливо искать расположенную по горизонтали «непременную истину» из семи букв...

Вы, конечно, задержитесь и на стадионе с его гаревыми дорожками, волейбольными и теннисными площадками...

Потом... Попробуйте пофантазировать, что мы могли бы еще увидеть в таком отличном парке.

А зачем, собственно, фантазировать, если в него можно просто войти. Днем — бесплатно, вечером — за 1 рубль. Этот парк существует. Существует в городе Виннице. Существует с цветниками, стадионами, хороним летним театром, с читальнями, с «Аллеей знатных земляков», где висят портреты Богуна, Пирогова, маршала Малиновского и других знаменитых винничан.

Винницкий парк не только красивый и внешне поэтический, это — умно организован парк.

Очень важные и серьезные массовые мероприятия проводятся в этом парке. Здесь проходила областная сессия передовиков сельского хозяйства, собравший очень много участников.

Недавно в парке состоялось областное совещание сельхозов. В этот день в парке была организована выставка: на стендах висело несколько сот колхозных стенгазет. Каждое воскресенье на открытой астра-

де выступают гости — лучшие представители самодеятельности одного из районов. Это концерт-смотр, своеобразный, постоянно действующий театр народного творчества.

Сейчас парк заканчивает подготовку выставки работ фотолюбителей. Здесь будут и портреты героев труда, и картины уборки урожая, и пейзажи, и спортивный фоторепортаж с колхозных спартакиад...

Многие таких же интересных и живых дел проводится в парке, дел, которые даже словом называть скучным словом «мероприятие»...

Он какой-то обжитой, этот винницкий парк. Много выпитых самых разных возрастов проводят в нем свои свободные часы. И это не удивительно. В парке интересно. Выступают в нем не только «запланированные» гастролеры, концертные ансамбли и театры. Кто бы и по каким бы делам ни пришел в парк: стахановец ли; собирающий народные мелодии; журналист, пригласенный на соревнования спортивного общества «Болховитин», — если у них есть что-нибудь увлекательное, новое, что стоит рассказать, прочесть или исполнить, — каждого из них обязательно разглагольствуют, приведут в парк и попросту выступят.

Позвольте, позвольте, — прервет нас голос какого-нибудь любителя замешанной парковой красоты, — но где же здесь поэзия?

А вот в этом и поэзия — в заботе о росте человека, о его разносторонних интересах, поэзия во вдохновении, в живой творческой инициативе. Это не дешевый фанерный разгул некоторых парковых администраторов, которые так увлекаются размахением повсюду фанерных щитов с плакатами и лозунгами, что в парке люда становится больше фанеры, чем живой древесины.

Это совсем, совсем другое...

Здесь о поэзии заботятся не только работники парка. Партийные и советские организации стараются сделать парк и красивым, привлекательным местом отдыха и полюбимым центром культуры.

В винницком парке есть и все «развлекательные» атрибуты — и танцплощадки и живописные места для прогулок. Уже делается наливное озеро, есть и аттракционы, и нежные «мотогонки по вертикальной стене». В парке много музыки... Все это есть в винницком парке. Есть в нем и главное — уважение к посетителю.

И вот благодаря этому уважению к советскому человеку нет здесь «запретительных» надписей-ограничений, и, конечно же, никто здесь не топчет цветов и не корчет деревья.

Не бывает в этом парке и непродуманных бюрократических «мероприятий», вроде проведенного в прошлом году одним из московских районных парков странного праздника, которое именовалось в афишах «Гуляние интеллигентности»(!)

Винницкому парку еле-еле пять лет. Он растет и улучшается с каждым годом. Вместе со всем городом, вместе с его людьми.

В этом году мы встречали в его углах дипломированных, работающих над книгой, которые в этом же парке когда-то готовились к приемным испытаниям в вузы.

Мы просмотрели списки лекций на самые разные темы, прочитанных этим летом. Оказалось, что большинство лекторов сейчас — винничане, члены винницкого отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Растут запросы людей, и парку приходится подниматься до их уровня. И он поднимается ради этих людей и с их же помощью.

Разве во всем этом нет подлинной поэзии новой жизни, поэзии коммунистического воспитания? И разве, когда говоришь о таком парке, не поэтично звучит само название «Парк культуры и отдыха»...

Мы рассказали подробно лишь о двух парках. Оба они типичны: один — в частую, другой — к сожалению!

А хочется, чтобы типичным был только один — винницкий.

Хотелось, чтобы еще многие и многие наши работники раз и навсегда поняли, что «пассажир», «посетитель», «клиент», «отдыхающий», «жизнь» — это не просто безделье, «некто в сером», которое можно как попало «обслужить».

За всеми этими понятиями стоит советский человек, много и плодотворно работающий, человек с непереложными высокими и продолжающими расти интересами, запросами и потребностями...

Он имеет право требовать, и требует внимания к своим запросам всюду, где бы он ни был, — дома, и в гостях, и в поезде, и в гостинице, и в парке, от которого он, согласно названию, ждет и культуры и отдыха!

де выступают гости — лучшие представители самодеятельности одного из районов. Это концерт-смотр, своеобразный, постоянно действующий театр народного творчества.

Сейчас парк заканчивает подготовку выставки работ фотолюбителей. Здесь будут и портреты героев труда, и картины уборки урожая, и пейзажи, и спортивный фоторепортаж с колхозных спартакиад...

Многие таких же интересных и живых дел проводится в парке, дел, которые даже словом называть скучным словом «мероприятие»...

Он какой-то обжитой, этот винницкий парк. Много выпитых самых разных возрастов проводят в нем свои свободные часы. И это не удивительно. В парке интересно. Выступают в нем не только «запланированные» гастролеры, концертные ансамбли и театры. Кто бы и по каким бы делам ни пришел в парк: стахановец ли; собирающий народные мелодии; журналист, пригласенный на соревнования спортивного общества «Болховитин», — если у них есть что-нибудь увлекательное, новое, что стоит рассказать, прочесть или исполнить, — каждого из них обязательно разглагольствуют, приведут в парк и попросту выступят.

Позвольте, позвольте, — прервет нас голос какого-нибудь любителя замешанной парковой красоты, — но где же здесь поэзия?

А вот в этом и поэзия — в заботе о росте человека, о его разносторонних интересах, поэзия во вдохновении, в живой творческой инициативе. Это не дешевый фанерный разгул некоторых парковых администраторов, которые так увлекаются размахением повсюду фанерных щитов с плакатами и лозунгами, что в парке люда становится больше фанеры, чем живой древесины.

Это совсем, совсем другое...

Здесь о поэзии заботятся не только работники парка. Партийные и советские организации стараются сделать парк и красивым, привлекательным местом отдыха и полюбимым центром культуры.

В винницком парке есть и все «развлекательные» атрибуты — и танцплощадки и живописные места для прогулок. Уже делается наливное озеро, есть и аттракционы, и нежные «мотогонки по вертикальной стене». В парке много музыки... Все это есть в винницком парке. Есть в нем и главное — уважение к посетителю.

И вот благодаря этому уважению к советскому человеку нет здесь «запретительных» надписей-ограничений, и, конечно же, никто здесь не топчет цветов и не корчет деревья.

Не бывает в этом парке и непродуманных бюрократических «мероприятий», вроде проведенного в прошлом году одним из московских районных парков странного праздника, которое именовалось в афишах «Гуляние интеллигентности»(!)

Винницкому парку еле-еле пять лет. Он растет и улучшается с каждым годом. Вместе со всем городом, вместе с его людьми.

В этом году мы встречали в его углах дипломированных, работающих над книгой, которые в этом же парке когда-то готовились к приемным испытаниям в вузы.

Мы просмотрели списки лекций на самые разные темы, прочитанных этим летом. Оказалось, что большинство лекторов сейчас — винничане, члены винницкого отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Растут запросы людей, и парку приходится подниматься до их уровня. И он поднимается ради этих людей и с их же помощью.

Разве во всем этом нет подлинной поэзии новой жизни, поэзии коммунистического воспитания? И разве, когда говоришь о таком парке, не поэтично звучит само название «Парк культуры и отдыха»...

Мы рассказали подробно лишь о двух парках. Оба они типичны: один — в частую, другой — к сожалению!

А хочется, чтобы типичным был только один — винницкий.

Хотелось, чтобы еще многие и многие наши работники раз и навсегда поняли, что «пассажир», «посетитель», «клиент», «отдыхающий», «жизнь» — это не просто безделье, «некто в сером», которое можно как попало «обслужить».

За всеми этими понятиями стоит советский человек, много и плодотворно работающий, человек с непереложными высокими и продолжающими расти интересами, запросами и потребностями...

Он имеет право требовать, и требует внимания к своим запросам всюду, где бы он ни был, — дома, и в гостях, и в поезде, и в гостинице, и в парке, от которого он, согласно названию, ждет и культуры и отдыха!

Разве во всем этом нет подлинной поэзии новой жизни, поэзии коммунистического воспитания? И разве, когда говоришь о таком парке, не поэтично звучит само название «Парк культуры и отдыха»...

Мы рассказали подробно лишь о двух парках. Оба они типичны: один — в частую, другой — к сожалению!

А хочется, чтобы типичным был только один — винницкий.

Хотелось, чтобы еще многие и многие наши работники раз и навсегда поняли, что «пассажир», «посетитель», «клиент», «отдыхающий», «жизнь» — это не просто безделье, «некто в сером», которое можно как попало «обслужить».

За всеми этими понятиями стоит советский человек, много и плодотворно работающий, человек с непереложными высокими и продолжающими расти интересами, запросами и потребностями...

Он имеет право требовать, и требует внимания к своим запросам всюду, где бы он ни был, — дома, и в гостях, и в поезде, и в гостинице, и в парке, от которого он, согласно названию, ждет и культуры и отдыха!

Разве во всем этом нет подлинной поэзии новой жизни, поэзии коммунистического воспитания? И разве, когда говоришь о таком парке, не поэтично звучит само название «Парк культуры и отдыха»...

Мы рассказали подробно лишь о двух парках. Оба они типичны: один — в частую, другой — к сожалению!

А хочется, чтобы типичным был только один — винницкий.

Хотелось, чтобы еще многие и многие наши работники раз и навсегда поняли, что «пассажир», «посетитель», «клиент», «отдыхающий», «жизнь» — это не просто безделье, «некто в сером», которое можно как попало «обслужить».

За всеми этими понятиями стоит советский человек, много и плодотворно работающий, человек с непереложными высокими и продолжающими расти интересами, запросами и потребностями...

Он имеет право требовать, и требует внимания к своим запросам всюду, где бы он ни был, — дома, и в гостях, и в поезде, и в гостинице, и в парке, от которого он, согласно названию, ждет и культуры и отдыха!

Разве во всем этом нет подлинной поэзии новой жизни, поэзии коммунистического воспитания? И разве, когда говоришь о таком парке, не поэтично звучит само название «Парк культуры и отдыха»...

Любомир ДМИТЕРКО

КОМЕДИЯ ИЛИ ДРАМА?

Мастерство писателя... Как часто, сами того не замечая, мы под этим термином подразумеваем лишь узко профессиональные, технологические компоненты: ритму в стихотворении, пейзаж в романе, диалог в пьесе. Иногда мы в понятие мастерства включаем также характеры героев, сюжет произведения, язык писателя. Но даже при таком, более широком понимании есть опасность поставить знак равенства между мастерством и технологией.

А понятие мастерства значительно шире. Я не представляю себе, как можно назвать мастерски сделанным то художественное произведение, в основу которого положена примитивная идея, незначительная тема. Сила мастерства писателя, его художественная зрелость обнаруживаются прежде всего в значительности идеи, важности темы, ясности философской концепции его произведения. И все это не рождается абстрактным вдохновением, все это приносится в мозг, в сердце, в душу советского писателя великая социальная жизнь нашего народа, которую мы наблюдаем и изучаем, в строительстве которой принимаем активное участие.

Таким образом, понятие мастерства неизмеримо расширяется, в него по праву может и должно войти и умение литератора наблюдать и изучать жизнь, и то, как он сам участвует в этой жизни.

Проблема мастерства советского писателя — большая и многосложная проблема. Всех связанных с ней вопросов не охватить в одной статье. Мне хотелось бы высказать лишь несколько мыслей о нашей драматургии, точнее: о проблеме жанров в современной советской драматургии.

Я не считаю, что проблема определения жанра является решающей, но это одна из важных проблем, требующих пристального внимания и серьезного обсуждения.

Комедия или драма? Не случайно возникает такой вопрос. И, очевидно, не ошибаясь, если скажу, что девяносто процентов драматических произведений у нас имеют пока скромное, невыразительное определение: «пьеса в трех актах» или «пьеса в четырех актах».

Нало сказать, что не всегда под вывеской «пьеса» кроется действительно нечто среднесреднефигурное. Иногда это бывает драма, иногда мелодрама, а иногда просто драматический очерк о том или другом выдающемся человеке. Но многие пьесы и по существу неопределены в жанровом отношении.

А между тем сама жизнь, сложная и многообразная, диктует творчество многообразия жанров в нашей драматургии, а выбор того или иного жанра определяет отношение писателя к жизненному конфликту, к событиям.

Вопрос о жанровом многообразии нашей драматургии отнюдь не «внутрилитературный» вопрос. Если у нас нет подлинной драмы, трагедии или комедии, если драматическая литература истощается весьма расплывчатым понятием «пьесы», то это значит, что многие явления нашей жизни не попадают в орбиту внимания драматургов, это значит, что драматург ограничивает возможности осмысления жизни в ее движении вперед.

Верное, точное определение жанра связано с точным пониманием идеи и темы произведения, — вот о чем, мне кажется, надо помнить.

Идея, тема, сюжет, характер действующих лиц влияют на выбор автором жанра. Это бесспорно. Но и избранный драматургом жанр, в свою очередь, начинает предвещать к писателю свои специфические требования. Законы (не будем бояться этого слова!) того или другого жанра могут в значительной степени помочь писателю в работе над драматическим произведением, если он не ошибся в определении жанра.

Согласуюсь на пример из собственной практики. Знаю генерала армии Ватутину, восхищаясь многими его чудесными качествами, я был глубоко потрясен его внезапной смертью, и решил воплотить образ талантливого полководца в пьесе.

Я начал писать пьесу. Именно пьесу, как таковую, пьесу в широком и неопределенном значении этого слова. До какого-то этапа работа шла нормально. Потом я почувствовал: необходимо определить жанр, иначе я неминуемо приду к хронике, где в отдельных эпизодах фронтовой жизни открывается мой основной герой.

Разумеется, можно было писать и хроникой. Показав боевую жизнь солдат и офицеров фронта, где командующим был Ватутин, я тем самым определил бы и значение личности любимого военачальника. Но мне хотелось создать образ самого полководца, в котором проявились бы его ум, душа, его творческая лаборатория. Жанр

хроника ограничивал мои возможности. Я упорно искал другой формы. После долгих поисков я остановился на мало распространенном, но вполне правомочном жанре драматического портрета.

Правильно ли я выбрал жанр?

Тогда мне казалось, что правильно. Теперь я писал бы трагедию.

Говоря о трагедии, я, конечно, не понимаю ее, как нечто раз и навсегда сформировавшееся и застывшее. Трагедия наших времен, безусловно, отличается от трагедии времен Шекспира, она должна выражать дух нашей исторической эпохи, показывать гибель героя во имя торжества общего дела; и она имеет полное право на существование! Молодой, в полном расцвете сил, полководец, достигший под руководством своего великого учителя и вождя вершин стратегического мастерства, прошедший вместе с армией и народом путь величайших испытаний, в момент, когда уже реально опущена пелена, выведен из строя пугал, прикован к постели. Разве это не материал для подлинной трагедии? И только незрелостью мастерства можно объяснить тот факт, что я не рискнул решить свою тему в плане трагедии, а, пожалуй, действительно наиболее высокого жанра драматургии.

История молодого воеводы, подвиг Зои Космодемьянской, жизнь и смерть партизанского комиссара Руднева или, например, судьба сильного советского человека, жизнь которого обрывается злыми силами нежданной, но еще не побежденной природы, — все это под рукой мастера может превратиться в волнующую трагедию страстей и философских обобщений.

Больше, чем трагедия и драма, «повесть» комедия. На титульных листах пьес наших драматургов слово «комедия» встречается довольно часто. Но не всегда это действительно комедия. Чаще всего это так называемая «лирическая комедия», где якобы не обязательны ни содержательный сюжет, ни запоминающиеся образы, или так называемая музыкальная комедия, где куплет и частушка преобладают над мыслью и поэзией; иногда же за комедию выдается просто эстетическая смесь комедийных, водеvilных и фарсовых сцен.

Может ли комедия поднимать большие вопросы современности и по-своему их решать? Безусловно, может.

«В самом начале комедия была общественным, народным созданием», — говорит один из положительных персонажей голливудского «Театрального разбеда». — По крайней мере, такую показал ее сам отец ее, Аристофан. После уже она вошла в узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ход, одну и ту же неприменную завязку».

Безусловно, в наши дни мы по-прежнему могли бы сформулировать задачи комедии, но бесспорным остается одно: нужна комедия, без пошлости, без дешевых приемов. Такие комедии уже созданы советскими драматургами (одна из лучших — «В степях Украины» А. Корнейчука), но число их должно неустанно возрастать.

Я не за стабилизацию жанров. Новая действительность рождает новые жанры, видоизменяет старые, а некоторые из них вовсе отмирают. Но мы должны стремиться к обобщению, а к жанровому богатству нашей драматургии.

Некоторые критики, оправдывая отсутствие жанрового разнообразия, любят ссылаться на Горького, который многим своим пьесам не давал жанрового определения. Но ведь, несмотря на это, каждая пьеса Горького жанрово определена!

Проблемы советской драматургии тесно связаны с жизнью и развитием советского театра. Наш театр немалым был современной советской пьесы. На этой почве возникает плодотворная дружба наших театров с драматургами, их взаимовлияние.

Потугаме прежде всего об актере. Во время премьеры режиссер и автор находятся за кулисами или в зрительном зале, на остальных спектаклях они могут вообще отсутствовать, а актер снова и снова выходит на сцену, чтобы играть, переживать, чувствовать, держать в напряжении зрительный зал. Наша обязанность — помогать актеру.

Но не за счет компромисса, не! Чем сложнее роль, чем труднее актеру на спектакле, тем легче будет потом, когда спектакль заживет своей спешивской жизнью. И вот к этому, к судьбе актера, чистота жанра драматического произведения также имеет прямое отношение.

В нескольких театрах мне пришлось видеть «Отелло». Заглавную роль играли талантливые, опытные мастера сцены. Но не всем из них хватало «дыхания» дове-

сти до конца эту величественную роль в плане трагедии, так, как она написана Шекспиром. Некоторые с четвертого акта сбивались на чистейшей воды мелодраму.

Недавно при распределении ролей в одном из крупных театров мы встретились с таким фактом: на женскую трагедийную роль в коллективе, насчитывавшем около ста человек, не нашлось исполнительницы.

На комедийных спектаклях иногда приходят наблюдать, как отдельные исполнители «коммунист», сбиваются на буффонаду. Думаю, происходит это потому, что актеры, лишённые возможности играть в жанрово определенных пьесах, воспринимают подчас только в неинтересной комедийной ситуации. Вот почему жанровая определенность драматического произведения является важным условием творческого роста актеров, выявляя наиболее сильные и яркие черты индивидуального дарования сценических художников.

Здесь хочется сказать еще и о другом: на мой взгляд, именно в пьесах, лишенных жанровой определенности, особенно легко уживаются персонажи, в которых индивидуально-конкретный и типизированный характер поднимается поверхностной схемой. Какие-то беглые черты человеческого характера, немощно быта, жанра, чуть-чуть психологии — и «образ» готов. Такова, например, наивно-легкомысленная Майя из «Ильи Голубовича» С. Михалкова, которая зрителю запоминается лишь тем, что она, появившись на сцене, каждый раз просит, чтобы ее нарисовали.

И если актера иногда соблазняет «легкость» исполнения подобных ролей, то при встрече со зрителем ему бывает весьма не легко. Актеру необычайно трудно выйти на сцену, если его выход не имеет важной идейной и драматургической функции, ему трудно покинуть сцену, не выполнив большого, важного задания.

Что может быть хуже, чем положение актера, который, по воле драматурга, должен в течение десяти и более минут сидеть на сцене, присутствуя при разговоре других персонажей и не имея никакого дела. Тоскливое чувство испытывает, например, исполнитель роли Синтия в «Голосе Америки» Б. Лавренева во время длинного разговора ее мужа с Макдональдом.

Мне думается, что четкое определение драматургов жанра своего произведения потребовало бы более глубокой и точной разработки характеров и ситуаций.

Вера Панова в № 66 «Литературной газеты» пишет: «Некоторые критики очень не любят, когда у положительного героя имеются хотя бы самые незначительные отрицательные черты. Эти критики требуют, чтобы положительный герой был человеком абсолютно гармоничным, без сучка, без задоринки». Сознаться: я стою на позициях Веры Пановой, а не на позициях «некоторых критиков». По с одной стороны: у положительного героя могут быть отдельные отрицательные черты, но они не обязательно должны быть. Я вообще против рецептов, не сомневался, что и В. Панова тоже.

И, встречая во многих пьесах героев, похожих друг на друга, как близнецы, невольно начинаешь подозревать: не существуют ли в самом деле рецепты? Да, они существуют там, где действующие лица пьесы не приходят к жизни, а заимствуются из литературы. Особенно это касается второстепенных персонажей: стандартных теней, доработанных, введенных специально для «развлекательных» публики. К числу недостатков пьесы А. Софронова «Карьера Бекетова» я отношу и то, что князя Степана и командант Остроушко (последний участвует лишь в «развлекательных» интермедиях) очень напоминают многих героев еще досовременных пустых водевилей, фарсов и интермедий.

Думаю, мы легко можем согласиться с тем, что в наших пьесах, и вообще в художественных произведениях, могут быть герои положительные с недостатками, отрицательные с отдельными хорошими качествами, а также целиком положительные и полностью отрицательные. И главное: они должны быть не похожими друг на друга, а разными, как разнообразна жизнь.

Наконец, мы часто забываем, что и драма и трагедия родились из поэзии. Это также в какой-то мере происходит от игнорирования проблемы жанра, ибо представлять себе прозаическую трагедию (независимо от того, написана она в стихах или в прозе) невозможно. Осмысление жанра пьесы может лишь способствовать росту нашей драматургии, обогатить ее.

Знаюю не только, как драматург, но и как зритель: идя в театр, я хочу знать, что я буду смотреть — комедию или драму?

А. ТУРКОВ

Нераскрытые недр

В последнем романе Мартина Андерсена Нексе «Мортен Красный» есть интересный эпизод. Ремесленник Андерсен говорит писателю Мортену: «Мне кажется, это приятно сознавать... — приятно знать, что после тебя остался хоть маленький след». Но сам Андерсен убежден, что ни его работа, ни даже собственное «дело», которое он создает всеми правдами и неправдами, не сохранят его имени потомкам. Единственную возможность избежать забвения он видит в том, чтобы Мортен посвятил ему одну из своих книг.

Этот эпизод приходит на память, когда читаешь новую повесть саратовского писателя Б. Неводова «Недра». Герои Б. Неводова твердо убеждены, что оставить след на земле — великим в их власти.

«Вам, например, Аким Филиппович, есть чем гордиться. Можно сказать, не напрасно по земле ходите», — говорит герой повести Лосев мастеру Вилкову, который проработал не один десяток скаканий.

Разные люди пришли к разработке нефти — бывалые инженеры и мастера из Баку и Гурьева, из Грозного и Ставрополя, молодые, вроде демобилизованного офицера Владимира Лосева и Кости Игнатова. Но все они сносят свою работу как подлинное творчество. «Тот день, когда не возвращается долото и неподвижны трубы, — по-моему, прекрасный день», — говорит начальник промысла Беззубов.

История Владимира Лосева, который, поступив на промысел юнцом, через несколько лет стал инструктором «малой механизации», проведенный коллективом буровой, способен увлечь читателя. Выбор профессии, крепкая связь с коллективом, торжество мастерства — все это близко нам, волнует нас!

Описывая, как до обидного просто и буднично, по мнению Владимира, началось бурение первой скважины, автор замечает, что тот не увидит вокруг ничего «необычного и неинтересного» и только потом поймет, что его ожидание, волнение и были эти «необычные».

Художественное претворение новых мыслей и чувств советского человека, рожденных социалистическим трудом, изображением этого творческого труда — вот, что могло и должно было составить основу повести. И если бы писатель пошел по пути глубоких обобщений в выборе ситуаций и построения образов своих героев, перед читателем явилась бы «недра».

Борис Неводов. «Недра». Повесть. «Октябрь», № 12, 1949. Профилакт, 1950, «Литературный Саратов», кн. 11, 1950.

К. ЛАПИН,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Когда поет сердце...

Нынешним летом в Союз писателей Белоруссии поступила примечательная рукопись — две общие тетради, спитые суровой лентой и написанные неровным, похожим на ученический почерком. В тетрадях — две поэмы и больше полустихов стихотворений на белорусском и русском языках. «Наимилейшему вождю товарищу Сталину» — старательно выведено на обложке.

Стихи посвящались подвигам белорусских партизан в дни Великой Отечественной войны. Цикл стихотворений, написанных по мотивам белорусского фольклора, рассказывал о прошлой подпольной жизни народа. В стихах, — например, в прекрасном стихе-песне «Сірата», — умело использованы народные, песенный прием сопоставления душевного состояния лирического героя с состоянием природы. Изображение гибели девушки-сироты автор усиливает показом прозы:

Грымоты хмара, што мазала, града,
А шлюбная свечка музыка блішчала,
А вада, як валам, дзвучыла закрэла,
Каб ніхто не ведаў, дзе я магіла.

В тетрадях были стихи и на русском языке. В них встречались подчас наивные замешательства известных строчек и образов (например, из пушкинских сказок). Но и здесь можно было найти ярко написанные картины (ожидание матери сына из стихотворения «Матери красноармейца»); и здесь бегали крупными народными юмора (в стихотворении «Бой у Гордичицы» о приходе партизан говорится: «первых «ласточек» запомнилась чечеля, афористически выраженные мысли («су нас наука не мечтает, а претворяет в жизнь мечты»).

И еще одна важная особенность стихов: почти все они написаны на конкретном жизненном материале, и автор оговаривает это в примечаниях на полях и в постсловах. Так, под поэмой «Красная доска», в которой рассказывается о некоей «тетке Ганне», сохранившей в годы фашистской оккупации вывеску родного сельсовета и встретившей с этой вывеской Советскую Армию, есть приписка: «Передана мною первому председателю Неводовского сельсовета, партизану И. М. Шуткову, ныне — инспектор в районе по молоку. Он может все подтвердить». В стихах о партизанской матери, рассказывавшей о замученном врагами сыне, точно указаны фамилия и адрес героини.

Писатели Белоруссии поздравляют Ганну Алексювич с вступлением в Союз советских писателей. На СНИМКЕ (слева направо): П. БРОВКА, Г. АЛЕХОВИЧ, М. КЛИМОВИЧ, Э. ОГНЕЦВЕТ и М. ЛУЖАНИН.

своего дела, высокий профессионализм.

Плохо изображены в повести руководители промысла — Беззубов, Бугров, Федоров. Б. Неводов как будто меньше всего заботился о создании конкретных, типичных образов советских инженеров и геологов, предпочитающих пробыть в гитовым образам. Неужели, чтобы показать начальнику промысла Беззубову самоотверженным тружеником, обязательно надо наделять его, по примеру героев других книг (вспомним, например, Ковтуна в «Шахтерах» В. Иншинева), тяжелой болезнью и акцентировать внимание на том, как он борется с ней? Автор отсылает от изображения Беззубова как руководителя и не смог создать интересной, жизненной образа. Пойди он по другому пути, и образ Беззубова был бы недром единственной спелой, где Беззубов заинтересовывает читателя, является чистым деловым разговором, в котором начальник промысла предупреждает против формального, отпугивающего отношения к проведению соревнования.

Довольствуясь случайными, нетипичными впечатлениями, Б. Неводов утратил чувство действительности. Жизненная логика событий иногда подменяется в повести писательским произволом.

Стремясь сделать финал повести благополучным во всех отношениях, Б. Неводов заставил Ступинкова при виде нефти, забившей в его родных местах, чудесно преобразиться. Так, одним ресчерком пера совершается перерождение героя, которое в жизни произошло бы далеко не так быстро и картинно.

И хотя повесть заканчивается победой нефтяников и из глубины земли наверх устремляется нефть, — закрывая книгу, вспоминаешь другой, более ранний эпизод: коллектив буровой трудился долго и упорно, но вместо долгожданной нефти скважина дала... воду. Пробуренная на основании ценных геологических данных, скважина оказалась вне месторождения.

Дело критики — напомнить писателю, что, только встав на путь глубоких обобщений, только создавая типические образы своих современников, отображая их активное участие в великом трудовом подвиге советского народа, писатель может воплотить в своих произведениях неисчерпаемое богатство нашей действительности.

Дело критики — объяснить автору причину его неудач, а не просто ругать и ругать его промахи и вдобавок в развязном тоне, как это делает И. Окунев в своей рецензии «Плоды сочинительства», опубликованной в сентябрьском номере журнала «Новый мир».

Ян СУДРАБАЛН НЕУГАСИМАЯ ЖИЗНЬ

85 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Я. РАЙНИСА

Когда мы говорим, думаем о Латвии, перед глазами встают балтийские помолдовей в советские годы Риги, плещущие волны Даугавы — Западной Двины, слышащиеся в памяти строки стихов и пьес Райниса.

Райнис стал поистине народным поэтом в самом высоком смысле слова. Он боролся за счастье вместе с обездоленными всего мира, и беспредельна была его любовь к Латвии, к латышскому народу.

В буржуазной Латвии социал-демократы, меньшевики, жалкие привокиты капитала, самые различные партии мелкой и крупной буржуазии старались присвоить, забрать в плен Райниса. В хитроумных и путаных толкованиях разнообразные критики «раскрывали» в творчестве поэта некий несуществующий мистический мир, пытались притупить остроту его мыслей, погасить пламя его революционных призывов к свержению капиталистического строя. Но огонь вырвался наружу. Он неугасимо горел в сердцах трудящихся, в душе молодежи. В мрачные лихолетья Райнис помогал бороться против паразита и привилегий помещиков, против латышской националистической буржуазии.

Революционный Октябрь, великодушный русский народ, гениальные вожди переломного человечества Ленин и Сталин принесли нам свободу, дали нам Родину и великие цели, дали нам подлинного Райниса, неземного, незабываемого, во всем его прекрасном сиянии. Только те-

перь, при советском строе, мы по-настоящему начинаем изучать великого поэта.

Чтобы крепко полюбить кого-нибудь, надо узнать его полностью, проникнуть в его сокровеннейшие мысли. Чем глубже мы проникаем в мир идей и образов Райниса, тем величественнее картина, открывающаяся перед нами. Голос поэта возмущен великой сталинской эпохой. Райнис воспевал труд. Жизнь — для него значило трудиться. Мы читаем в его дневниках, как он сурово попрекал себя за лень, он — трудившийся всю жизнь, создавший великие произведения. Труд в советской жизни стал почетным, свободным. Как бы поэт радовался сегодня с нами!

Райнис был искренним и бесстрашным гуманистом, сродни великому Горькому. Он ненавидел врагов народа и свободы и призывал уничтожить их, он любил пролетариат, основной класс, как он его называл, он славил труд, справедливость, человечность, прогресс. Он всем боролся против позитивистов империалистических войн. В 1914 году Райнис клеймил позором предательство германских правых социал-демократов, поддерживавших захватническую политику Вильгельма.

Книги стихов и пьес Райниса провозглашают высокие лозунги — братство трудящихся, мирный труд, зовут к борьбе против поработителей. Странники мира в наши дни видят Райниса в своих рядах. Вместе с корейцами, вьетнамцами и ма-

лайцами, греками и испанцами Райнис сражается за свободу.

Он победит — день этот настанет. Об этом мой голос звенеть не устанет!

Прошло 85 лет со дня рождения Яна Райниса. Произведения гениального поэта и мыслителя, революционера и народного трибуна вошли в золотой фонд культуры народов СССР. Его слог, то чеканный, афористический, то полный лирического обаяния, его язык, продвигнувший вперед всю латышскую культуру, его благородные мысли о благе народа, об обязанности человека служат образцом для современных латышских советских писателей. С радостью и гордостью мы видим, что его творения питают и вдохновляют народ. Райнис обрел громадную многомиллионную аудиторию, о какой раньше не мог и мечтать. Его читают, помнят и любят колхозники, рабочие, студенты, профессора, молодежь.

Произведения Райниса изучаются в школах и вузах всего Советского Союза, театры самых различных городов ставят его пьесы. В столице нашей Родины Москве и в украинском городе Львове поставлена прекрасная лирическая пьеса Райниса «Вей, ветерок!».

Райнис — это неугасимая жизнь, беспрерывный труд, стремление к будущему, вечный прогресс. В его книгах бьется сердце народа, возрожденного к жизни и творчеству великими идеями коммунизма.

Обзор военных действий в Корее

Наступательные удары, части Народной армии шаг за шагом теснят противника к югу, к Пусану — главной базе интервентов в Корее. Огневая артиллерия противника продолжает продвигаться вперед. Упорные бои развернулись в направлении города Хэчжу. Части Народной армии оседают здесь все дороги, идущие из Пхохана и Пончхона. Треугольник Пхохан — Йончхон — Хэчжу стал плацдармом ожесточенных военных действий.

Длительная и упорная борьба за Тэгү — ключевой опорный пункт в направлении к Пусану — складывается в пользу Народной армии. Ее наступающие пехотные и танковые колонны уже находятся на ближайших подступах к этому городу. Под обстрелом орудий оказались все дороги, идущие к Тэгү с севера, востока и запада. Тэгү находится в огненном кольце, которое с каждым днем все более сжимается.

Представители штаба американской 8-й армии называют наступление Народной армии на Тэгү крупнейшей операцией за время военных действий в Корее. Это наступление идет на всем северном участке фронта в секторе южнее Пхохана — Еванг. Воины Кореи народной демократической республики глубоко выжили в сильно укрепленные оборонительные позиции противника. Линия фронта на восточном побережье южнее Пхохана, где действовали ныне выведенные из строя две дивизии Ли Сын Мана, оказалась разорванной. В образовавшуюся брешь хлынули танки и пехота Кореи народной армии. Американские командования пытались заполнить эту брешь переброской сюда новых подкреплений. Однако этого сделать не удалось. Части Народной армии уже достигли окрестностей города Хэчжу.

Вторая брешь образовалась на флангах лысенковских войск и 1-й американской мотомеханизированной в секторе Талудон — Йончхон. Здесь колонны Народной армии также значительно выжили в позиции противника и, действуя в направлении на Тэгү, подошли непосредственно к городу.

Расширяя плацдармы южнее Тэгү на восточном берегу реки Нактонган, народные войска нанесли большой урон американской пехоте и английским подразделениям, вступившим недавно в бой на этом участке. Одна рота англичан оказалась отрезанной.

На южном участке фронта Народная армия отбивала контратаки 25-й американской пехотной дивизии. После упорных боев наступающие части Народной армии продвинулись здесь в направлении порта Масан. Лондонское радио указывает, что в этом районе «американцы подвергались самому сильному ураганному артиллерийскому огню, какой северокорейцы обрушивали на своих противников с момента начала военных действий».

Большую помощь оказывают Народной армии партизанские отряды, действующие в тылу противника. На днях партизаны напали на роту американских связистов в районе Масана и взяли в плен 14 человек. Иностранная пресса сообщает также об усилении партизанской деятельности в других районах.

Касаясь наступления Народной армии, корреспондент агентства Рейтер сообщает, что оно является «самым крупным и ожесточенным за время войны в Корее».

МОЛОДЕЖЬ МИЛАНА ТРЕБУЕТ: «МИР — КОРЕЕ!»

В Италии все шире развивается борьба за мир. Миланская молодежь организовала демонстрацию протеста против агрессивной политики Трумэна — Макартура. Сотни молодых людей собрались у здания американского консульства в Милане, требуя выводу войск США из этой страны.

НА ФОТО — молодой борец за мир пишет на тротуаре слова: «Да здравствует свободная Корея!»

«Мы не хотим быть наемниками Трумэна!»

Растет движение сторонников мира в Японии. Вот факты последнего времени. Маленький домик в Кавасаки — небольшом городке близ Токио — празднично украшен. Красочные плакаты гласят: «Здесь проводится голосование в защиту мира». В течение дня здесь подписались под Стокгольмским Воззванием около 500 жителей окрестных кварталов.

Скромный столик с банками для голосования у здания газеты «Асахи», закрытой по приказу Макартура. Рядом — полицейские патрули, внимательно следящие за всеми прохожими. И все же очень многие останавливаются и ставят свою подпись под Стокгольмским Воззванием.

Очень оживленно проходит сбор в Хиросима и Нагасаки, где американские империалисты впервые применили варварское оружие агрессии — атомную бомбу. Комитет защиты мира города Хиросима опубликовал специальное обращение, в котором писал: «Мы, граждане Хиросима, уверены, что мощное движение за запрещение атомного оружия, охватившее сейчас весь мир, является наиболее эффективным и сильнейшим ударом по ненавистным устремлениям поджигателей войны».

В городе Нагасаки организован «Совет связи по борьбе с атомной бомбой» и развернута кампания в защиту мира.

Лишь за последнее время от различных организаций поступили заявки на высылку в общей сложности 2 миллионов банок с текстом Стокгольмского Воззвания.

Все эти факты свидетельствуют о небывалом размахе движения сторонников мира в Японии, во главе которого стоят многие демократические организации, прогрессивные профсоюзы, а также передовые деятели науки и культуры.

В настоящее время в стране насчитывается несколько сот местных обществ и комитетов защиты мира, возглавляемых всеяпонским Обществом защиты мира. Движение сторонников мира продемонстрировало свою силу во время проводившейся в начале 1950 года общенациональной кампании за скорейшее заключение всеобщего мирного договора, за вывод оккупационных войск, за полную независимость Японии, против ее колонизации и превращения в военную базу американских агрессоров. Эта кампания была возглавлена передовым отрядом японского рабочего класса — коммунистической партией Японии. На ряде предприятий рабочие организовали комитеты борьбы за мир.

О масштабах участия японской интеллигенции в этом движении говорит хотя бы тот факт, что 106 видных ученых Японии опубликовали обращение с протестом против использования атомной энергии в военных целях.

Японская молодежь, сама жизнь и будущее которой зависят от успехов демократического движения в стране, также активно борется против угрозы новой войны. Во многих университетах организованы

ны комитеты защиты мира и проводятся митинги. На митинг, состоявшийся не так давно в Токио, студенты вышли с плакатами, на которых были написаны лозунги: «Мы не хотим быть наемниками Трумэна!», «Долой войну!».

Молодежь не может устроить репрессии американских и японских властей. Студенты университетов Токио и Хоккайдо осыпали сотрудников штаба Макартура Иса, попытавшегося выступить перед ними с «лекциями», полными антикоммунистическими и милитаристскими пропаганды. Именно студентам принадлежит инициатива постановки антивоенной кинокартины «Слушай голос океана», идущей с успехом по всей Японии.

Среди подписавших Воззвание мы видим таких известных в Японии людей, как бывший министр просвещения Носе Абе, член Академии наук физик Хонда, профессор университета «Никко» Уэхара, писатель Иси и Хадзума, писатели Нагай и Хиро, поэты Дой и Сайзю, критик Хасегава и Накадзима, философ Инагидэ, буддийский священник Курума и

Японские трудящиеся устроили митинг в защиту мира у императорского дворца в Токио (снимок сверху). Американским военным полицией избита сторонница мира резинными дубинками, многие из них были задержаны и брошены в тюрьму. На снимке (внизу): японские юноши, участвующие в митинге они приговорены к тюремному заключению на срок от семи до десяти лет. Снимки из американской газеты «Пиллс уорлд».

христианские священники Кодзо Абе и Акаива, киноактриса Танака, актер Фурукава, певцы Сюэи и Ватанабе. Подписали Воззвание и некоторые депутаты парламента от буржуазных партий — Ионекубо, Ямагути, Харикава, Накадзима, Фунада, Исидо Кэппи и Фукагава.

Под Стокгольмским Воззванием продолжают подписываться сегодня люди самых разнообразных профессий и общественного положения — мэры городов и старосты деревень, депутаты местных органов самоуправления, учителя, врачи, рабочие, крестьяне и даже полицейские. Сбор подписей под Стокгольмским Воззванием охватил все уголки страны — от крупнейших городов Токио и Осаки до маленького острова Танагасима у побережья острова Кюсю.

Трудящиеся Японии подкрепляют свои подписи под Стокгольмским Воззванием делом — митингами против американской агрессии в Корее. Почти каждый день газеты сообщают о появлении в различных частях страны антивоенных и антиамериканских листовок. Рабочие города Нагасаки, грузчики Осаки, моряки портов острова Кюсю находятся в первых рядах борющихся в Японии против американской интервенции в Корее.

Американские и японские власти, действующие по непосредственным приказам Макартура, жестоко преследуют борцов за мир. Жителям Токио памятна провокация американских контрабандщиков на митинге 30 мая, который проходил под лозунгом защиты мира. Восемь японских патриотов — участников митинга — были брошены тогда в тюрьму.

В городе Нагасаки 21 июля к месту, где должен был проходить митинг в защиту мира, прибыли 1.000 полицейских и начали дубинками разгонять собравшихся. Японские власти неоднократно запрещали студенческие митинги в защиту мира.

Однако сейчас в Японии разне только штаб Макартура и его местные прислушники все еще считают, что полицейская дубинка может справиться с мощным движением простых людей, борющихся за мир!

Буржуазные американизированные японские газеты до недавнего времени попросту замалчивали движение сторонников мира. Сейчас, запуганные его силой и размахом, они, как по команде, подняли вой о «спорах о движении за мир», которое якобы «угрожает делу мира» (!).

Движение сторонников мира в Японии достигло значительных успехов. Однако его руководители и участники не намерены успокаиваться на достигнутом. Всеяпонское Общество защиты мира приняло решение еще более настойчиво проводить сбор подписей под Стокгольмским Воззванием. Всего намечается собрать по всей Японии 40 миллионов подписей.

В. САМСОНОВ
ШАНХАЙ, сентябрь. (От нашего соб. корр.)

Душеприказчики Гитлера в Австрии

Австрийские власти на днях снова доказали, что они проявляют заботу не только о сохранении нацистских кадров (в виде возмездия и поощрения) в Австрии неонацистских организаций, но и о сохранении фашистского «духовного наследия».

25 августа 1950 года Союзнический Совет по Австрии обсуждал на своем заседании письмо австрийского канцлера Фишля от 15 июля, содержание которого, мягко выражаясь, не лишено было оригинальности. Австрийский канцлер усматривал, в частности, в целесообразности борьбы против распространения в Австрии гитлеровского мракобесия, людоедских, милитаристских и прочих антинародных «идей», которыми заполнены книги, в свое время изданные в фашистской Германии и Австрии.

Для такого рода «сомнений» у г. Фишля не было никаких оснований, ибо, как известно, еще 23 апреля 1948 г. Союзнический Совет одобрил австрийский конституционный закон об изъятии фашистской и антисоциалистической литературы из австрийских общественных и частных библиотек и об уничтожении ее. У австрийских властей было достаточно времени для того, чтобы провести в жизнь это решение Союзнического Совета, то есть изъять фашистскую литературу и уничтожить ее. Но в австрийском правительстве нашлись духовные родственники и покровители гитлеровцев; им жаль расставаться с «литературным наследием» Геббельса, Розенберга и других преступников. Вот почему Фишль в своем письме от 15 июля с наигранной наивностью запрашивает Союзнический Совет о том, настаивает ли последний на выполнении своего решения от 23 апреля 1948 г.

В том же письме Фишль ставит в известность Союзнический Совет о том, что в течение последних двух с лишним лет австрийское правительство заботливо ставило книги, изданные гитлеровцами, в надежное и укромное убежище. Письне сбор этой «литературы» закончен, книжки разложены в специально помещенный по полочкам. Здесь-то у господина Фишля и появились сомнения: следует ли их уничтожить? В его письме прямо так и говорится: «Литература, изъятая из общественных библиотек и особенно школьных, хранится в специальном помещении под замком и никому не выдается». Как видно, австрийский канцлер в основном укрывает тем обстоятельством, что гитлеровское «духовное наследие» попадо под замок, заживается и никому не выдается.

О том, что в правительстве Фишля сидят ревнивые душеприказчики гитлеровской идеологии, свидетельствует и такой факт: австрийский парламентский комитет по репрессиям за последние два с лишним года пять раз отклонял утвержденный Союзническим Советом конституционный закон об изъятии и уничтожении фашистской литературы под тем предлогом, что этот закон будет иметь только «формальное значение».

Австрийские парламентарии в своем решении, несомненно, исходят из того, что запрещение гитлеровской «литературы» будет явно противоречить всей нынешней политике правительства Фишля, открыто способствующего возрождению реакционных сил в Австрии.

Недавно в Вене на улице Мариахильфертсассе (французский оккупационный сектор) состоялась демонстрация сторонников мира. Демонстранты несли плакаты необычного вида: на каждом из них напечатана первая страница газеты «Визер курьер», издаваемой в Австрии американскими поджигателями войны. Однако при более внимательном взгляде на заголовки можно было заметить, что он гласит: «Визьер крйгер», что означает: «Бешеный волк».

Страна-труженик

В те дни, когда я был в Болгарии, я видел, с каким единодушием ее народ голосовал за мир, с каким гневом и негодованием он разоблачал проделки американских поджигателей войны. Я слышал на фабриках и заводах, в университетах и деревнях, как болгарский народ во имя справедливости и мира требовал от американского правительства прекращения агрессии в Корее.

Американские живодеи изобразили себя. Палаты никогда не были воинами, убийцы — хабрецами, грабители — победителями. — говорил крестьянин на митинге в селе Бранковцы.

Весь болгарский народ в эти дни поднял свой голос в защиту корейского народа.

А в эти же дни бесноватый Черчилль разразился речью, направленной к поощрению американской агрессии в Корее, к дальнейшему разжиганию новой войны. В планах поджигателей войны немалая роль отводилась титовской Югославии. Империалисты заставляют болгарского народа Тито обрабатывать уоллстритовские подкачки.

Югославия превращена в военный плацдарм. На ее аэродромах, в ее портах хозяйничает Пентагон. Около миллиона югославов, запертых в казармах, продают как пушечное мясо американцам. Тысячи голодных и раздетых рабочих и крестьян насильственно, под напором полиции, строят военно-стратегические дороги. Эшелоны с оружием идут в Белград из Западной Германии.

Все фашистские югославские листки в эти дни разразились угрожающими статьями по адресу Народной республики Болгарии. Потом болгарские бандасты устроили ночные оргии — с барабанным боем и с зажженными факелами они сго-

няли к болгарской границе свои войска и там проводили маневры.

Но хозяева требовали крови. И презренные титовские наемники в военной форме стали лезть через болгарскую границу, нападать на болгарских пограничников.

Американские радио и газеты, издаваемые на американские деньги в Западной Европе, трубили, что 25 июля 1950 года Югославия начнет войну.

Но... Но в эти дни мы были в Болгарии и были свидетелями того, что болгарский народ хранит спокойствие и уверенно строит свое прекрасное будущее.

Мне пришлось быть трижды в Болгарии. Я был свидетелем революционного народного восстания в сентябрьские дни 1944 года. Я видел, как болгарский народ поднялся на борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, с каким восторгом он встречал победоносные войска Советской Армии и с каким единодушием приветствовал создание Народной демократической республики.

Через три года я снова побывал в Болгарии. Болгарский народ с бескорыстной помощью Советского Союза приступил к созданию фундамента социалистической экономики. Огромные трудности еще стояли перед страной.

Я видел, с каким героизмом, неукротимой энергией болгарский народ осуществляет план великого строительства, с каким проникновением миллионы людей изучают опыт советского народа, преворая его в жизнь. Никакие трудности не могли поколебать великой уверенности народа в том, что он победит и в строительстве социалистической экономики.

В этом году я воочию увидел, каких успехов добился болгарский народ за эти шесть лет неуклонного созидания. План первого года пятилетия перевыполнен на 28 процентов. Более чем в два с половиной раза увеличилась площадь хлопко-

вых полей, посевов конопли, льна, табака, сахарной свеклы.

Болгария встает передо мной в образе мужественного, гордого труженика, с влюбленным рвением заново переделывающего всю свою землю, строящего по грандиозному плану мощное здание социализма и отдающего все свои силы, все свое душевное стремление этому великому творчеству.

Де бы вы ни были в Болгарии, вы всюду увидите, с каким упоением, неукротимой энергией строит болгарский народ свою новую жизнь.

Тысячи лет земли Болгарии изнемогали от засухи. Только за последнее полувековье 19 раз засуха обрушивалась на страну, испепеляя посевы.

С помощью Советского Союза сейчас в Болгарии развернулась грандиозная битва за воду.

Десяти горных рек, мчащихся в тесных ущельях, запираются плотинами. Обузданные реки наполняют огромные водохранилища, по сотням каналов укрощенная вода устремляется теперь в долины, ставшие плодородными.

Гидроэнергетические возводятся на каменном основании плотин. Мощные электростанции будут поить током промышленные предприятия.

Так героическим трудовым усилием болгарский народ разрешает проблему индустриально-аграрного развития страны. Так болгарский народ строит социализм.

Вы продвигаетесь через сотни болгарских деревень и сел и всюду увидите, как преобразается их жизнь: увидите новые каменные здания машинно-тракторных станций, крытые свежей черепицей скотные дворы животноводческих ферм, монументальные массивы полей кооперативных хозяйств.

В селе Караманово на крыше здания сельского совета было написано огромное:

ми буквами: «Социализм дал нам электричество». В другом селе я прочел на стене клуба такую надпись: «Советские комбайны работают на наших полях — спасибо Сталину!».

В городе Русе я присутствовал на агроконференции председателей трудовых сельскохозяйственных кооперативов, посвященной изучению и внедрению советской мичуринской науки. В Белеве слушал доклад крестьянина Ивана Тодорова о работе сельской агролаборатории.

Я видел, как крестьяне Болгарии сажают в своей стране сады и леса, называемые народом «сталинскими». 360 километров полезитных полос создано в Балчужской, Толбухинской и Генерал-Толбухиной областях. 450 километров полезитных полос простирется на землях Добруджи.

На фабриках и заводах Болгарии новые отношения к труду рождает новую, невиданную производительность. Опыт советских станочников оплодотворяет творческую инициативу тружеников.

Узники Поволжской железной дороги Иордан Иванов училили конструкцию паровозных колосников. Консерваторы и прямые враги, пробравшиеся на дорогу, отключили его изобретение. Но Иванов добился осуществления своего предложения. В результате паровозные топки теперь чистятся всего за четыре минуты.

Токяр-Илья Нелов, познакомившись с книгой советского профессора Семеченко «Режущий инструмент», научился делать необходимые вычисления и создал ряд новых технических приспособлений для производства конических зубчатых шестеренок.

Ткачиха Лилиана Димитрова, последовательница советской ткачихи Марии Волковой, работает на десяти станках. Она разработала и обосновала метод многоступенчатой работы в Болгарии. Познакомившись в Москве с Александром Чутким, она стала инициатором движения за «высокое качество продукции».

Каменщик Никола Илиев, изучив ме-

тоды работы советских каменщиков, стал инициатором скоростного строительства.

Шатер Алексей Стойков, следуя опыту советского шахтера Леонтия Борсина, широко осуществил в шахтах Болгарии многоабонный метод труда.

Так творческий патристический труд болгарских тружеников, осененный чудотворной силой опыта советских станочников, создает материальную базу социализма в Болгарии.

Болгарские ученые вдохновенно творят во имя социализма. Академик Г. Николов закончил труд о развитии геологии, минералогии и петрографии Болгарии. Академик Г. Нажджков совершил крупные открытия в области электромоторики и фотоэлектрических эффектов. Профессор Р. Кашев сделал значительные открытия, относящиеся к теории зарождения и роста кристаллов.

Болгарские ученые, инженеры, агрономы, зоологи, ветеринары, медики принесли в дар своей народной отчизне сотни ценнейших открытий, изобретений и усовершенствований.

В неразрывном содружестве болгарские рабочие, крестьяне, интеллигенция, влюбленные великими идеями общего созидания, отдают свои силы процветанию родины.

Болгарская народно-демократическая республика, осуществляя план социалистического строительства, опираясь на бескорыстную помощь великого Советского Союза, мужественно преодолевает все трудности, достигла больших успехов.

С каждым днем растет и крепнет дружба советского и болгарского народов. Болгарский народ свято хранит в своей сердце слова Георгия Димитрова: «Нет и не может быть разрывов между болгаринами, любящими свою родину, который не был бы убежден в том, что искренняя дружба с

Советским Союзом не менее необходима для национальной независимости и процветания Болгарии, чем солнце и воздух для всякого живого существа...»

Что же касается югославских фашистов, то офицер болгарских пограничных войск рассказал нам про одну такую гнусную тварь. До начала первой мировой войны она служила в австрийской разведке. В 1939 году перешла на службу в немецкую разведку. В 1943 году перешла на службу к англичанам. В 1944 году фашисты вызвали в американское посольство и, «облиച്ച» как немецкого шпиона, предлагали работать в американской разведке. В 1945 году тварь получила лично от Тито орден и была направлена в Вену, в школу шпионажа. Вернувшись, в Югославию, она показала себя преданным слугой американского посольства и клыки Тито. На территории Болгарии тварь перешла с диверсионным заданием, но была выдана крестьянином, в доме у которого организовала себе явку.

На допросе у следователя этот югославский фашист заявил: — Мужик-прохвост выдал меня только потому, что американцы сильно потролили свой авторитет неудачной войной в Корее. Иначе он не посмел бы этого сделать. Я думаю, что наши утнут изменническую мировую ситуацию.

Что там утаит титовская шайка в Белграде — неизвестно.

Но народы всего мира запомнят, что в те дни, когда человечество требовало мира и обличало американских варваров, зверствующих в Корее, в дни, когда болгарский мирный народ был занят творческим созиданием, кровавый Черчилль требовал новой войны и грязный пест Тито по американской указке стоял с войска к границам Болгарской народной республики.

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АПАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес: редакции и издательства: 2-й Обыденский пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературный и искусство — Г 6-43-29, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, писем — Г 6-38-60, корреспондентской сети — Г 6-44-48, издательство — Г 6-45-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.